

МАКС ЛАНСКИХ

ПОКА ОТКРЫТЫ СТАВНИ

КОЛЛЕКЦИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ИСТОРИЙ
О ЛЮДЯХ, ВРЕМЕНИ
И НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ

СПЕЦИАЛЬНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ:

ПЛЕННИЦА НА ТОПОЛИНОЙ ДОСКЕ

История похищения «Моны Лизы».
Великий пророческий монолог Леонардо да Винчи
и тихое безумие Винченцо Перуджи.
Флоренция. Париж. 1911 год.

КНИГА ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЗАМЕДЛИТЬ БЕГ ВРЕМЕНИ
И ОТКРЫТЬ СТАВНИ НАВСТРЕЧУ НАСТОЯЩЕЙ ИТАЛИИ

Макс Ланских

Пока открыты ставни

«Автор»

2026

Ланских М.

Пока открыты ставни / М. Ланских — «Автор», 2026

Этот сборник — не просто коллекция случайных рассказов, а цельная литературная вселенная, где случайные прохожие из коротких историй неожиданно становятся героями больших психологических драм. Сердце сборника — две пронзительные повести: «Усадьба за Сан-Кашано»: История успешного итальянского реставратора Луки Штайнера, который берется вернуть к жизни заброшенную виллу для молодой француженки Ноэми. Расчищая под слоями извести лазурную фреску XVIII века, он не замечает, как вспыхнувшая страсть дотла сжигает его собственный 23-летний брак. «Пленница на тополиной доске»: Драма об одержимости искусством, связавшая две эпохи. В XVI веке Леонардо да Винчи крадет по каплям душу Лизы Герардини, замешивая ее на палитре. Четыре века спустя, в августе 1911 года, нищий итальянский рабочий Винченцо Перуджа выносит Мону Лизу из Лувра посреди белого дня, чтобы запереть ее на 730 ночей в своей убогой парижской мансарде. Идеальное чтение для тех, кто соскучился по глубокой психологической прозе.

© Ланских М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Амальфитанская кислинка	6
Между двумя нотами	10
Царапина на часах	14
Пузырек воздуха	19
Год плохого дождя	23
Триумф терпения	26
Медленные деревья	28
Пьемонтская буренка	31
Пепел и чернила	34
Память кожи	37
Двадцать четыре	40
Спуститься на землю	45
Глубокий вдох	49
Домик в Италии	52
Усадьба за Сан-Кашано	57
Глава 1	59
Глава 2	62
Глава 3	66
Глава 4	69
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Макс Ланских

Пока открыты ставни

От автора

«Моей жене — за любовь, терпение и веру в меня. И моим детям — за то, что каждый день напоминают мне, что такое настоящее чудо.»

«Пока открыты ставни» — это коллекция пронзительных, наполненных солнцем и меланхолией историй о простых людях.

Под одной обложкой собрались судьбы тех, кто умеет слушать время, металл, дерево и человеческую душу. Старый капитан в Амальфи, римский настройщик роялей, ищущий живой звук в надтреснутой струне, венецианский стеклодув, хранящий воздух в хрупких лепестках люстры, и миланский бизнесмен, заново учащийся дышать в тосканских оливковых рощах... Каждая новелла — это попытка задержать дыхание и поймать ускользающий момент настоящей жизни.

Среди коротких зарисовок человеческих душ вы найдете небольшую повесть — «Усадьба за Сан-Кашано». Она станет вашим проводником вглубь Тосканы, где за стенами уединенной виллы скрываются тайны, которые невозможно заглушить шумом больших городов.

Эта книга для тех, кто хочет замедлить бег времени, почувствовать тепло нагретого камня и открыть ставни навстречу настоящей Италии.

Специальное дополнение издания: масштабная историко-философская драма «Пленница на тополиной доске». Кульминационная история о роковом похищении «Моны Лизы» из Лувра в 1911 году. В ней великий пророческий монолог Леонардо да Винчи в шелках Флоренции эхом отзывается в тихом, преданном безумию простого итальянского рабочего Винченцо Перуджи, запершегося в камерке Бельвиля ради спасения величайшей тайны века.

Амальфитанская кислинка

Солнце медленно опускалось за горизонт. Последние лучи скользили по скалам Амальфитанского побережья, оставляя на камне тёплый золотистый отсвет. Синьор Марко Белладжо сидел на террасе уютного кафе, задумчиво помешивая ложечкой остывающий эспрессо. С моря тянуло прохладой, а из кухни доносился запах свежей выпечки и базилика.

Сегодня он ждал особенную гостью. После долгих месяцев обещаний к нему наконец приехала внучка Джулия из Милана. Он то и дело поглядывал на узкую улочку, ведущую к площади.

Вскоре среди прохожих мелькнула знакомая фигура. Джулия заметила деда издали и помахала рукой. Сеньор Марко поднялся ей навстречу.

— Наконец-то, — сказал он, крепко обнимая внуку. — Думал, Милан тебя уже не отпустит.

— Еле вырвалась, — рассмеялась Джулия. — Но оно того стоило.

Они сели за столик. Официант почти сразу поставил перед девушкой стакан воды и кусочек лимонного пирога, который Марко заказал заранее — он помнил, что в детстве она его обожала.

Джулия огляделась вокруг, вдохнула солёный морской воздух:

— Нонно, такое чувство, будто здесь никто не следит за временем.

Марко улыбнулся. Потом перевёл взгляд на море и тихо произнёс:

— Потому что его здесь не догоняют. Люди здесь просто живут. *Il dolce far niente*.

За соседним столиком пожилой рыбак горячо спорил с официантом о вчерашнем футбольном матче, размахивая руками так, словно от его доводов зависел исход игры. Где-то внизу пронзительно взвизгнул мотор — по узкой улице промчалась красная «Веспа». Кафе постепенно наполнялось вечерними голосами, звоном посуды и смехом. День неторопливо уступал место вечеру, и Марко вдруг подумал, что некоторые вещи не меняются, сколько бы лет ни прошло.

В свои шестьдесят восемь Марко Белладжо сохранил привычку просыпаться в четыре утра, когда даже портовые чайки ещё спали.

Он не тосковал по морю — просто слишком хорошо его помнил. Его капитанский мостик давно сменился тихой пенсией в Амальфи, но взгляд остался прежним: цепким и оценивающим.

Солнце почти ушло за горизонт. Внизу у причала лениво покачивались лодки. Джулия оторвалась от телефона, обвела взглядом зажатые между скал разноцветные домики и спросила:

— Нонно, я всё думаю... Вокруг так много красивых мест. Почему, выйдя на пенсию, ты уехал из Генуи и выбрал именно Амальфи?

Марко усмехнулся, лениво помешивая свой эспрессо.

— А ты знаешь историю этого места, дорогая? Думаешь, это просто открытка для туристов с лимонными деревьями?

Джулия пожала плечами, и старик, откинувшись на спинку стула, кивнул в сторону моря:

— В девятом веке этот крошечный городок был первой Морской Республикой Италии. Он правил Средиземноморьем задолго до того, как поднялись Генуя и Венеция. А знаешь ли ты, что местные купцы держали в руках всю торговлю между Западом и Востоком?

Джулия отрицательно покачала головой.

— То-то же! Именно здесь, в Амальфи, создали первый в мире морской кодекс — свод законов, по которому веками жил весь мировой флот. Здесь люди знали толк в навигации. И бумагу, кстати, делать вручную они тоже научились первыми в Европе, подсмотрев секрет у арабов. Кстати, Ватикан до сих пор покупает её в местном музее для своих важных документов.

Он сделал глоток кофе и продолжил, обведя рукой крутые скалы:

— Посмотри на эти дома, они ведь буквально наползают друг на друга в ущелье. В двенадцатом веке республику захватили норманны, а в четырнадцатом — страшный шторм и наводнение разрушили порт и навсегда смыли величие Амальфи в океан, превратив супердержаву в рыбацкую провинцию. Но море оставило здесь свой характер. Мне, как старому капитану, приятно жить там, где каждый камень помнит запах больших торговых судов и солёной пены.

Джулия завороченно посмотрела на Кафедральный собор Святого Андрея, чья мозаика сверкала в лучах уходящего солнца над главной площадью. Слова деда изменили этот пейзаж — в нём появился масштаб.

— Потрясающе, — тихо сказала она, откладывая телефон экраном вниз. — Наводнение уничтожило целую империю... Нонно, а Расскажи о шторме. Ну, настоящем, из твоей жизни. О таком, когда тебе действительно было страшно.

Марко перевёл взгляд на горизонт. Его пальцы медленно повернули чашку.

— Мне тогда было двадцать шесть, может чуть больше, — тихо начал он. — Я работал вторым помощником на старом сухогрузе «Аквилония». Мы везли тридцать тысяч тонн марокканских фосфатов из Касабланки. Насыпной груз — это живой организм, Джулия. Если он намокнет или сместится в трюме, судно ляжет на борт за минуты. Мы были в Атлантике, когда нас догнал мощный циклон. Синоптики ошиблись на двенадцать часов и, к нашему несчастью, всё началось мгновенно. Небо упало в воду, стало свинцовым, а волны выросли до высоты пятиэтажного дома.

Марко сжал кулак и легонько ударил по столу.

— Волны били в нос с такой бешеной силой, что вся «Аквилония» содрогалась от киля до клотика. Это был стон перегруженного металла. Судно скрипело, вибрировало, и каждый раз, когда корма взлетала вверх, оголяя винты, корпус колотило мелкой дрожью. Вторым помощником ты уже понимаешь физику процесса. Стоишь на мостике, смотришь на прогиб палубы и думаешь: «Вот сейчас. Ещё один удар, и сталь не выдержит. Корпус просто лопнет посередине».

— И что вы делали? — Джулия слушала, не мигая.

— Страха как такового не было, был животный расчёт. Капитан держал судно носом к волне, на самом малом ходу, чтобы сохранять управляемость. Два часа, представь! Ровно сто двадцать минут стихия перемалывала нас. Руки на штурвале у матроса побелели от напряжения. И вдруг... всё кончилось. Будто кто-то повернул выключатель. Ветер стих за пару минут. Тучи разошлись, выкатился абсолютно равнодушный, чистый солнечный свет. Кругом ни пены — только гигантская, тяжёлая океанская зыбь. Огромные холмы воды, на которых наш избитый сухогруз качался, как щепка. Мы вышли на крыло мостика, покрытое коркой соли. Капитан молча достал сигарету, но у него так тряслись пальцы, что он не мог её прикурить. Тогда я понял: море не злое и не доброе. Ему просто всё равно. После таких двух часов в двадцать шесть лет, внучка, в сорок ты с лёгкостью соглашаешься на тихий офис в Генуе.

Марко мягко улыбнулся и пододвинул к Джулии вазочку с миндальным печеньем.

— Ну вот. Раз я поделился с тобой своей историей, теперь твоя очередь порадовать старика. Расскажи, Джулия. Какие штормы сейчас бушуют в твоём Милане? Из-за чего там бьются сердца и сидят к тридцати годам?

Джулия громко усмехнулась. На её телефон беззвучно падали уведомления, но здесь, в Амальфи, этот хаос вдруг потерял свою былую силу.

— У нас нет океана, нонно. Но у нас есть дедлайны. Месяц назад наше агентство запустило международную кампанию для одного модного бренда. Контракт на миллионы евро. Я была ведущим продюсером. Полгода работы, съёмки по всему миру, всё просчитано до секунды. И за три часа до мирового релиза всё рухнуло. Наш главный сервер в Германии атаковал вирус-вымогатель. Представляешь! Вся база данных, готовые ролики, код сайта — всё заблокировалось. Экран стал чёрным, и на нём горел таймер: три часа до уничтожения данных. Клиенты из Токио уже просыпались, телефон разрывался, и мне казалось, что вся моя карьера сейчас просто полетит к чертям посреди этого стеклянного миланского офиса.

— И что ты предприняла, капитан Джулия? — серьёзно спросил синьор Марко.

Джулия сделала глоток воды, её взгляд потеплел от воспоминаний.

— Меня спас Джузеппе. Помнишь моего друга, взъерошенного айтишника, который вечно спорит с тобой о политике? Так вот, за неделю до релиза мы как-то встретились в кафе, и он в своей занудной манере выдал: «Джулс, облачные сервера — это здорово, но настоящие параноики хранят данные в железе. Сделай физический бэкап». Я тогда только посмеялась,

но под его брзжание всё же скинула рабочую копию сайта и все фотоматериалы на старый жёсткий диск.

Она улыбнулась, вспоминая охватившую её панику.

— И вот посреди этого хаоса в офисе я вспоминаю про этот диск. До релиза два с половиной часа. Я бросаю всё, прыгаю в такси и мчусь на другой конец Милана, в свою квартиру. Влетаю в комнату, переворачиваю всё вверх дном. Ты бы видел этот шторм, нонно! Я буквально закопалась в коробках со старыми флешками, какими-то перепутанными проводами и зарядками. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон постоянно вибрировал от непрерывных звонков... И вдруг на самом дне комода я нащупываю этот чёртов металлический прямоугольник. Нашла!

Марко сочувственно кивнул, его пальцы на мгновение сжались, словно перехватывая штурвал.

— Я лечу обратно в офис, — продолжала Джулия, и в её голосе зазвучали победные нотки. — Врываюсь в серверную, протягиваю диск парням. Они вручную изолировали заражённую сеть, подключили чистый резервный сервер и начали заливать копию. Это были самые долгие два часа в моей жизни. Мы просто сидели на полу и смотрели на ползущую полосу загрузки. Ровно за десять минут до того, как японцы должны были нажать кнопку «Старт», сайт ожил. Мы не победили вирус, но мы развернули точную, чистую копию в обход хакеров. Клиенты даже ничего не заметили.

Старик откинулся на спинку стула. На его губах играла гордая улыбка.

— Ну вот, — негромко произнёс он. — А ты говорила, что у вас нет океана. Тот же шторм, Джулия. Тот же самый страх, что всё разломится пополам, и та же зыбь после спасения. Но ты удержала своё судно.

Неожиданно их беседу нарушил шорох шагов. К столику подошёл молодой официант, неся на небольшом подносе запотевший караф и два маленьких, покрытых инеем стаканчика.

— Синьор Белладжо, синьорина. Compliment от заведения. Наш домашний лимончелло из амальфитанских лимонов.

Марко и Джулия переглянулись. В этом быстром взгляде было абсолютное понимание «двух капитанов».

— А давай, — старик тепло улыбнулся. — Отметим наши старые победы, Джулия. И то, что наши суда всё ещё на плаву.

Они пили медленно, крошечными глотками. Напиток был ледяным, но стоило ему коснуться губ, как по телу разлилась плотная сладость, а следом пришла резкая, концентрированная лимонная кислинка. Она мгновенно связала рот, заставив скулы приятно онеметь от свежести.

Марко зажмурился на секунду, а затем с удовольствием сглотнул.

— Знаешь, внучка, а ведь жизнь чертовски похожа на этот лимончелло. Она ведь тоже сначала кажется невыносимо сладкой, когда ты молод. Потом она бьёт тебя, горчит, сводит скулы от страха и напряжения — прямо как этот лимонный сок. Тебе кажется, что ты не сглотнёшь эту горечь. Но ты делаешь усилие, справляешься... и внутри тебя вдруг разливается чистое, мягкое тепло. И ты понимаешь, что без этой кислинки вкус был бы слишком приторным и скучным.

Джулия улыбнулась, чувствуя, как внутри неё окончательно растворяется миланская тревога. На побережье Амальфи мягко опускалась южная итальянская ночь.

Между двумя нотами

Синьор Стефано вошёл в зал театра «Валле» через боковую дверь, неся в руке потёртый кожаный саквояж с ключами и камертонами. В театре пахло сыростью, вековой пылью и увядшими розами. На сцене, залитой бледным утренним светом, стоял огромный чёрный рояль «Стейнвей». За ним сидела девушка по имени Франческа.

Её пальцы летали по клавишам со скоростью испуганных птиц. Труднейший этюд Листа звучал безупречно. Каждая нота была на своём месте. Стефано остановился в тени кулис. Он слушал эту безукоризненную геометрию звука, но его сердце оставалось спокойным. Слишком спокойным.

Когда Франческа взяла финальный аккорд, эхо растаяло в пустых ложах. Она обернулась и заметила настройщика.

— Вы пришли настроить инструмент? — спросила она, вытирая руки платком. — Помоему, он в порядке.

Стефано подошёл ближе, положил ладонь на прохладную лакированную крышку рояля и долго молчал, глядя на клавиши, словно читал невидимый текст.

— У вас идеально настроены пальцы, дитя, но... — он запнулся.

Франческа удивлённо приподняла брови.

— А что не так?

— Душа ещё не настроилась.

Девушка резко встала, задев подол платья.

— Мой профессор в Милане говорит, что техника — это фундамент. Без неё музыка рассыпается.

— Ваш профессор прав, — согласился Стефано, открывая саквояж. — Но фундамент — это ещё не дом. В нём нельзя жить. Хотите, я расскажу вам об Альдо Моретти?

Франческа замерла. Имя великого пианиста, ушедшего со сцены на пике славы, в Италии знали все.

— Много лет назад, — начал Стефано, извлекая настроечный ключ, — Моретти давал свой последний концерт в Риме. Я готовил для него этот самый рояль. Я провозился пять часов, добиваясь эталонного звучания. Маэстро подошёл, сыграл несколько тактов, а потом положил мне руку на плечо и попросил: «Стефано, сделай одолжение. Опусть струну си-бемоль во второй октаве. Оставь её чуть менее натянутой. Буквально на долю тона».

Франческа нахмурилась:

— Но зачем?!

— Я спросил его о том же, — улыбнулся старик, коснувшись клавиши. Раздался чистый, глубокий звук. — И маэстро ответил: «Потому что идеальный звук быстро надоедает. В нём нет жизни. Жизнь рождается там, где есть трещина, усилие, едва заметный изъян. Музыка живёт не в самих нотах, друг мой. Она живет в крошечном пространстве между ними. Там, где струна колеблется, сомневаясь в собственной правоте».

Стефано повернулся к девушке.

— Вы играете так, словно боитесь совершить ошибку. Но безупречность мертва. Попробуйте сыграть этот этюд снова. Но забудьте про геометрию. Ошибитесь. Позвольте звуку немного поболеть.

Франческа медленно опустила руку на банкетку. Она посмотрела на свои руки, затем на старого настройщика. В театре стояла абсолютная тишина. Она занесла руки над клавиатурой, помедлила секунду — и нажала первую клавишу.

На этот раз звук не был идеальным, но он дышал. Он был живым. Последний аккорд этюда растаял в полумраке зала, оставив после себя странное, вибрирующее эхо.

Синьор Стефано ещё долго стоял почти неподвижно, сложив руки на груди. Его взгляд был устремлён куда-то в пустоту, мимо сцены, мимо Франчески, сквозь потёртый бархат пустых театральных лож. Он словно провалился в колодец собственного прошлого.

Тогда ему был двадцать один год. Рим горел весенним солнцем, а в кармане его старого пиджака лежал билет на первый ряд филармонии. Он вспомнил, как на сцену вышла молодая девушка. На ней было простое тёмное платье, а волосы казались золотыми в свете софитов. Когда она опустила руки на клавиши... о Боже, как она играла. Стефано забыл, как дышать. Это была не музыка, это было обнажённое сердце, бьющееся в деревянном корпусе рояля. В тот вечер он растворился в её игре без остатка.

После концерта он три часа стоял на углу здания филармонии. Дул резкий, прохладный ветер трамонтана. Стефано замёрз, но не уходил. И вот она вышла. В тонком шерстяном пальто, которое совсем не защищало от ветра, и в аккуратных, совершенно не подходивших для долгой ходьбы туфлях-лодочках.

Стефано, преодолевая сковывающее горло стеснение, сделал шаг навстречу.

— Извините, — голос его сорвался, и он тихо кашлянул. — Вы... вы сыграли Шопена так, словно знали, что я сижу в первом ряду.

Девушка остановилась. На её бледном лице промелькнула усталая, но тёплая улыбка.

— В первом ряду? С левой стороны? Вы весь второй ноктюрн сидели, зажмурившись. Я думала, вы уснули.

— Нет! — испуганно воскликнул он, а потом, заметив смешинки в её глазах, покраснел. — Я просто... пытался удержать звук внутри. Меня зовут Стефано.

— Елена, — ответила она, протягивая руку в тонкой перчатке. — И мне очень холодно, Стефано. Если вы не предложите мне горячего каштанового супа в ближайшем кафе, я просто превращусь в ледышку прямо здесь.

Они проговорили до рассвета. Это был самый счастливый и самый короткий месяц в его жизни. Они бродили по Трастевере, делили одну порцию пиццы на двоих и говорили о музыке. Но у судьбы были свои планы. Отец Елены, суровый человек с коммерческой хваткой, принял решение эмигрировать в Америку. Для Стефано это была настоящая трагедия, но изменить он уже ничего не мог.

В день их прощания на вокзале Термини шёл мелкий дождь.

— Стефано, — тихо сказала она, прижимаясь к его мокрому плечу. — Отец говорит, что мы уезжаем навсегда. Говорит, там у меня будет будущее. Рояль «Стейнвей», концерты в Нью-Йорке...

— А здесь? — спросил он, едва удерживая слёзы.

— Здесь... Здесь останется крошечное пространство между нотами, — прошептала она, повторяя слова, которые он сам когда-то ей сказал. — Самое честное, что у нас было. Не ищи меня, Стефано. Пусть всё останется идеальным черновиком.

Она уехала. А он остался в Риме. С тех пор они больше никогда не виделись. Стефано так и не женился. Он стал настройщиком, человеком, который всю жизнь лечил чужие инструменты, пытаясь исправить изъяны в собственном разбитом сердце.

Голос Франчески вернул его в реальность.

— Синьор Стефано? — Девушка смотрела на него с тревогой. — С вами всё в порядке? Вы так побледнели.

Старик встряхнул головой, прогоняя нахлынувший туман воспоминаний, и слабо улыбнулся.

— Да-да, дитя моё. Просто старые кости вспоминают старые сквозняки. Вы сыграли... прекрасно. Намного лучше. Что изменилось?

Она опустила глаза на клавиатуру, перебирая пальцами невидимые клавиши.

— Я подумала о маме, — тихо призналась Франческа. Её голос задрожал. — Она тоже была профессиональной пианисткой. Очень известной в своё время за океаном. Но полгода назад её не стало. Болезнь... Она сторела быстро, как свеча. Сейчас, когда я играла, я вспом-

нила, как она сидела со мной за инструментом и всегда говорила: «Франческа, не старайся быть безупречной. Будь настоящей».

Стефано почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. Дыхание перехватило, а сердце застучало тяжелее. Он посмотрел на профиль Франчески — на линию её подбородка, на то, как падал свет на её золотистые волосы. Как он не заметил этого сразу?

— Как... — Стефано с трудом сглотнул сухой комок в горле. — Как звали твою маму, дитя моё?

Франческа подняла на него свои большие, полные грусти глаза.

— Елена. Елена Маркетти. Правда в Америке она выступала под фамилией моего папы.

Синьор Стефано медленно опустил голову. Саквояж с инструментами лежал у его ног. Отрегулированный им когда-то для Альдо Моретти рояль стоял на сцене, храня в себе ту самую чуть ослабленную струну си-бемоль. Круг замкнулся. Елена вернулась к нему — не в образе стареющей женщины, а в звуках, которые она передала своей дочери. В том самом живом, несовершенном звуке, который никогда не надоедает.

— Синьор Стефано? — Франческа удивленно протянула к нему руку. — Почему вы плачете?

— Это не слёзы, — старик аккуратно закрыл крышку своего саквояжа, глядя на неё с бесконечной нежностью. — Это просто душа... Наконец-то настроилась.

Царапина на часах

Утром улица Сан-Томмазо просыпалась раньше, чем открывались магазины. Хозяйка цветочной лавки выставляла на тротуар деревянные ящики с геранью, булочник через дорогу оставлял дверь приоткрытой, и тёплый запах свежего хлеба медленно заполнял всю улицу. Чуть позже появлялся синьор Альберто Ферри. Как и последние сорок два года.

Он отпирал тяжёлую деревянную дверь своей мастерской, поднимал старые жалюзи, ставил на плитку маленькую алюминиевую кофеварку и только после первой чашки доставал из внутреннего кармана жилета связку крошечных ключей.

Каждый ключ открывал отдельный ящик. В одном лежали заводные валы. В другом — рубиновые камни. В третьем — винтики настолько маленькие, что молодой почтальон однажды спросил его, не хранит ли он там песок.

Альберто тогда только усмехнулся.

— Если часы могут отставать из-за такого винтика, значит, это не песок.

На стенах мастерской не было ни одного диплома. Только часы: большие, маленькие, карманные, настенные, морские хронометры, дорожные будильники. Одни громко отбивали четверти часа, другие почти неслышно отсчитывали секунды. Все они жили немного вразнобой, и именно этот лёгкий беспорядок синьор Ферри любил больше всего.

— Когда все часы идут одинаково, — говорил он постоянным клиентам, — становится слишком тихо.

В то утро дверь открылась ещё до девяти. На пороге появился молодой мужчина с небольшим чемоданом и рюкзаком за спиной.

— Нонно!

Альберто поднял голову вверх увеличительной лупы.

— Давиде.

Они обнялись, как обнимаются мужчины, которые любят друг друга, но слишком давно не виделись.

— Ты опять похудел.

— А ты всё также говоришь всем, что тебе семьдесят, хотя давно семьдесят четыре?

— Семьдесят три, — поправил старик. — Не прибавляй мне лишнего.

Давиде рассмеялся.

Он работал программистом в Берлине уже шестой год. Домой приезжал редко — всё что-то мешало. Новый проект, новая девушка, отпуск с друзьями, ещё проект. Но в этот раз он приехал сам, без предупреждения, хотя всего на три дня.

Он оглядел мастерскую. Казалось, здесь ничего не изменилось с его детства. Те же деревянные шкафы. Та же смесь запахов машинного масла, кофе и старой древесины. И те же часы, спорящие друг с другом. Только дед стал немного медленнее двигаться.

— Всё ещё ремонтируешь только механические? — спросил Давиде.

Альберто даже не поднял головы.

— Не механические — живые.

Внук усмехнулся.

— Нонно, ты же понимаешь, что через двадцать лет никто не будет носить такие часы? Все уже давно пользуются часами на телефонах. Или на запястье, но уже электронными.

Старик посмотрел на внука. Он не обиделся и не стал спорить. Он просто снял лупу.

— Конечно.

— Конечно?

— Конечно. Через двадцать лет механических часов станет ещё меньше.

Он осторожно положил на бархатную подушечку разобранный механизм.

— Но дело ведь никогда не было в часах.

Давиде хотел что-то ответить, но в этот момент над дверью тихо звякнул колокольчик. В мастерскую вошла пожилая женщина. Она держала в руках маленькую деревянную коробочку, завернутую в старый льняной платок.

— Доброе утро, синьор Ферри.

— Доброе утро, синьора Карла.

Она поставила коробочку на прилавок так осторожно, словно внутри лежало яйцо редкой птицы.

— Они остановились.

Альберто открыл крышку. Внутри лежали серебряные карманные часы. Очень старые. Он не стал заводить их, а лишь провёл большим пальцем по крышке.

— Сегодня исполнилось бы пятьдесят лет со дня нашей свадьбы, — тихо добавила синьора Карла.

В мастерской стало тихо. Давиде вдруг заметил, что дед смотрит вовсе не на циферблат. Его взгляд задержался на глубокой царапине возле петли крышки.

Он улыбнулся.

— Она всё ещё здесь...

— Конечно здесь, — ответила женщина. — Вы же сами отказались её полировать.

— И до сих пор считаю, что был прав. — Альберто осторожно закрыл часы. — Я посмотрю их. Заходите через пару дней.

Когда синьора Карла ушла, Давиде не выдержал.

— Из-за какой-то царапины?

Старик поставил кофейник обратно на плиту и молча достал две маленькие чашки. Только когда кофе был разлит, он сказал негромко:

— Это не просто царапина. Мне тогда было двадцать два...

Он взял одну из чашек, сделал маленький глоток и на несколько секунд замолчал, будто снова перебирал в памяти детали механизма, который видел полвека назад.

— Мастерская была ещё не моя. Я тогда работал у старого синьора Бартолини. Строгий был человек, однако. Разговаривал редко, а если хвалил — значит, ты действительно сделал что-то стоящее.

Давиде взял свою чашку с кофе и устроился на старом деревянном стуле у окна.

— Однажды к нам пришёл очень богатый человек. Это сразу было видно. Не потому, что дорого одет. Просто есть люди, которые привыкли, что им никто не отказывает.

Альберто открыл ящик, достал маленькую отвёртку и машинально начал протирать её мягкой тканью.

— Он положил на стол карманные часы. Золотые. Красивые. Но видно было, что удар был сильный — механизм внутри буквально рассыпался. Баланс погнулся, ось сломана, несколько зубьев на колесе сколоты.

— Их уронили? — спросил Давиде.

— Нет.

Дед покачал головой.

— Они были в кармане его сына.

Он произнёс это спокойно, без театральной паузы.

— Парень погиб в автомобильной аварии. Ему было всего девятнадцать. Часы достали уже после...

Он не закончил фразу. В мастерской слышалось только тихое тиканье десятков механизмов.

— Он тогда сказал одну вещь, которую я запомнил на всю жизнь. Он не торговался. Не спрашивал цену. Просто сказал: «Сделайте так, будто ничего не произошло».

Давиде смотрел на деда.

— А это было невозможно?

Тот улыбнулся краешком губ.

— Я тогда был молодым. Очень хотел доказать, что умею всё. Некоторые детали пришлось делать заново вручную. Тогда ещё не было возможности просто заказать нужную запчасть. У меня ушло несколько недель на ремонт.

— И что? Получилось?

— Почти.

Альберто поставил чашку на стол.

— Когда механизм снова заработал, я был счастлив. Часы шли идеально. За сутки не теряли ни секунды.

Он снова провёл пальцем по крышке часов синьоры Карлы.

— Осталось только отполировать корпус и убрать царапины.

Давиде кивнул.

— Логично.

— Мне тоже тогда так казалось.

Старик на секунду прикрыл глаза.

— И тут вошёл синьор Бартолини.

Он долго смотрел на часы. Потом спросил: «Это ты сделал?»

Я говорю: «Да».

Он спрашивает: «А царапины куда делись?»

Я отвечаю: «Заполировал».

Давиде улыбнулся.

— И что?

— Он впервые в жизни на меня накричал.

Внук удивлённо поднял брови.

— Представляешь? Не за испорченный механизм. Не за ошибку. За слишком хорошую работу.

Альберто тихо усмехнулся.

— Потом он сказал одну фразу, которую я тогда не понял.

Старик посмотрел на часы синьоры Карлы.

— «Ты сейчас не часы ремонтируешь. Ты чужую память стираешь».

В мастерской вновь наступила тишина. За окном проехал велосипедист, а на площади ударил колокол, отсчитывая полдень.

— В тот же вечер я снова снял крышку.

— Зачем?

— Потому что синьор Бартолини велел найти ту самую царапину.

— Но ты же её убрал.

— Не до конца.

Альберто улыбнулся.

— Глубокие царапины не исчезают полностью даже после полировки. Они просто становятся почти незаметными.

Он поднял указательный палец.

— Мы нашли её. Совсем тонкую. Еле видимую на свету и... восстановили.

Через неделю за часами пришёл заказчик. Он долго молчал. Потом провёл большим пальцем по крышке — именно по тому месту, где была видна царапина, — и вдруг улыбнулся. Впервые за всё время.

Он тогда сказал:

— Вот теперь это снова часы моего сына.

Альберто медленно перевёл взгляд на Давиде.

— Тогда я наконец понял. Мы всю молодость думаем, что мастерство — это умение сделать вещь идеальной. А потом однажды понимаем, что настоящее мастерство — знать, что нельзя исправлять.

Давиде долго молчал. Потом достал из кармана телефон. Весь экран был покрыт мелкими царапинами.

— Я собирался заменить его, — сказал он.

Дед рассмеялся.

— Не сравнивай телефон с часами.

— Нет... я не об этом.

Он провёл пальцем по стеклу.

— Вот эту царапину я поставил, когда мы с тобой ходили в горы. Помнишь? Я поскользнулся возле ручья.

Альберто сразу вспомнил. Тогда Давиде было лет шестнадцать. Они возвращались с прогулки промокшие насквозь и потом целый вечер сушили ботинки у печки.

— Помню, — тихо сказал старик.

Давиде убрал телефон обратно в карман и неожиданно спросил:

— Нонно... а ты никогда не жалел, что всю жизнь просидел в этой мастерской? Мир ведь огромный.

Альберто посмотрел на часы, висевшие на дальней стене. Они спешили минуты на три уже лет десять. Он всё собирался их поправить, но всё никак не доходили руки.

— Жалел иногда, — честно ответил он. — Особенно когда был молодым. Казалось, что жизнь проходит где-то далеко. Но знаешь... люди приносили сюда не часы.

Он медленно обвёл взглядом мастерскую.

— Они приносили сюда свои жизни. Первые подарки. Новые победы. Прощания... Иногда любовь помещается в карманные часы. Иногда — в обручальное кольцо. Иногда — в старую фотографию. Просто мне достались часы.

Он осторожно завёл механизм синьоры Карлы. Тот ожил почти сразу, и вскоре мастерская снова наполнилась ещё одним размеренным, живым тиканьем.

Альберто прислушался и удовлетворённо кивнул.

— Знаешь, почему люди до сих пор любят механические часы?

Давиде улыбнулся.

— Потому что они дорогие?

— Нет.

Старик покачал головой.

— Потому что внутри у них есть сердце, которое продолжает биться.

Он поднял часы на ладони, словно прислушиваясь к их ровному ходу.

— И, наверное, каждый из нас втайне надеется, что с человеком должно быть так же. Даже когда время оставляет на нём свои царапины.

Пузырек воздуха

Когда над лагуной только начинало светлеть, а Венеция ещё дремала за полосой спокойной воды, в мастерской синьора Пьетро уже во всю гудело пламя. Старик всегда говорил, что стекло не любит спешки, но ещё больше оно не любит ленивых.

Ему было восемьдесят два.

Последние двадцать лет он не выдувал большие вещи сам — уже не хватало дыхания. Теперь этим занимались его ученики, а он только сидел рядом на высоком деревянном табурете и внимательно наблюдал за каждым их движением. Иногда достаточно было одного кивка, чтобы ученик понял: он всё делает правильно. Иногда Пьетро лишь слегка морщил лоб, и стеклянный шар тут же возвращался обратно в печь.

— Стекло всегда чувствует нерешительность, — говорил он. — Если мастер сомневается хотя бы секунду, оно начинает жить своей жизнью.

В то утро в мастерскую пришла молодая женщина. Она представилась Софией и тут же достала из сумки аккуратно свёрнутые чертежи.

— Я проектирую гостиницу на озере Комо, — сказала она. — Для центрального холла нам нужна люстра, но не обычная. Такая, чтобы люди, входя внутрь, поднимали голову.

Пьетро неторопливо развернул листы и долго ничего не говорил. Только водил пальцем по линиям.

— Красиво.

— Возьметесь?

— Возьмусь.

— Сколько времени понадобится?

— Столько, сколько понадобится стеклу.

Она улыбнулась.

— Я почему-то подумала, что вы именно так и ответите.

Пьетро пожал плечами.

— Тогда зачем спрашивали?

Они оба рассмеялись.

Следующие три дня София провела в мастерской. Она никогда раньше не видела, как рождается стекло. Раскалённая капля сначала казалась густым мёдом. Потом вдруг вытягивалась, начинала светиться изнутри, меняла форму буквально за секунды. Она наблюдала, как ученики вращают длинные трубки, как быстро работают деревянными лопатками, как снова и снова возвращают заготовку в огонь. Всё выглядело одновременно хаотично и удивительно точно.

— Вы никогда ничего не измеряете? — спросила она.

— Отнюдь.

— Но я не вижу линейек.

Пьетро постучал себя пальцем по груди.

— Она здесь.

На четвёртый день один из учеников закончил большой стеклянный лепесток для будущей люстры. Пьетро поднёс его к окну. Солнечный луч прошёл сквозь прозрачное стекло. София подошла ближе. И вдруг нахмурилась.

— Здесь пузырьрёк.

Старик посмотрел туда, куда она показывала. Пузырёк был совсем маленький, почти невидимый.

— Да.

— Это брак?

Пьетро улыбнулся.

— Нет.

— Но внутри воздух.

— Именно.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Тогда может вы его переделаете?

Старик осторожно провёл пальцем по стеклу.

— София, именно этот воздух и делает стекло живым.

Она ещё раз посмотрела на лепесток. Пузырёк был таким маленьким, что исчезал, стоило немного изменить угол.

— Никогда бы не подумала...

Синьор Пьетро немного помолчал, а потом неожиданно сказал:

— Мне было двадцать семь, кажется.

Она сразу поняла, что сейчас, скорее всего, прозвучит история из уст этого забавного старика. Ученики перестали работать и развернули свои головы к мастеру. Хотя, кажется, они слышали её уже не один раз.

— В тот год я решил сделать самую совершенную вазу на острове.

Он произнёс это без тени иронии.

— Молодые всегда хотят стать лучшими как можно быстрее. Вот и я тоже хотел.

Пьетро улыбнулся своим воспоминаниям.

— Я работал почти неделю. Плавил, выдувал. Снова плавил... Если видел хоть один пузырёк воздуха внутри стекла — всё бросал и начинал сначала. Я хотел получить абсолютную прозрачность, чтобы внутри не было ничего. Абсолютно.

Он поднял глаза на Софию.

— Когда закончил, мне казалось, что красивее вещи я ещё не делал. Она была идеальной. Тонкая. Звонкая. Прозрачная, как слеза. Свет проходил сквозь неё так, будто стекла вообще нет. Я поставил её на полку. И всю ночь не мог уснуть от счастья.

— А утром?

— Утром она лежала на полу.

Он сказал это так спокойно, словно рассказывал о вчерашнем дне.

— Разбилась?

— Нет.

Он покачал головой.

— Просто треснула. От самого горлышка до основания. Одной длинной трещиной.

София нахмурилась.

— Почему, как вы думаете?

— Потому что я выгнал из неё весь воздух.

Она смотрела непонимающе. Пьетро взял маленький стеклянный шарик и положил его ей на ладонь.

— Стекло остывает неравномерно. Воздух внутри снимает напряжение. Если ты пытаешься сделать его слишком совершенным, однажды оно разрушит себя само.

Некоторое время они молчали. За открытой дверью проплыла лодка. Пламя в печи гудело, словно дикий зверь, которому давно знакомы все человеческие ошибки.

— Знаешь, София — тихо сказал Пьетро, — только с возрастом понимаешь странную вещь. Люди всю жизнь пытаются избавиться от своих слабостей. От страхов, сомнений, каких-то переживаний. Им кажется, что тогда они станут крепче.

Он снова посмотрел на стеклянный лепесток. В крошечном пузырьке вспыхнул солнечный луч.

— А выходит наоборот. Именно они не дают нам однажды треснуть.

Когда люстра была почти закончена, София долго ходила вокруг неё. Каждый лепесток был немного разным. Один толще, другой тоньше. Где-то внутри едва заметно поблёскивал крошечный пузырёк с воздухом.

Она улыбнулась.

— Теперь я их вижу.

— Что именно?

— Пузырьки.

— И что думаешь?

Она покачала головой.

— Раньше я бы попросила всё переделать.

Пьетро довольно кивнул.

— А теперь?

Она посмотрела на люстру. Сквозь десятки стеклянных лепестков пробивался вечерний свет лагуны. Маленькие пузырьки почти исчезали, а потом снова вспыхивали золотыми искрами, стоило сделать всего один шаг в сторону. Она долго смотрела на них. Потом тихо сказала:

— Теперь мне кажется... если убрать их все, свет станет беднее.

Пьетро улыбнулся. Так улыбаются люди, которые уже давно никому ничего не доказывают. Он осторожно коснулся ладонью холодного лепестка.

— Запомни, София, стекло без воздуха очень похоже на человека без слабостей. Красивое, но слишком хрупкое для настоящей жизни.

Год плохого дождя

С самого утра над холмами Ланге висели тяжёлые серые облака. Дождь шёл уже шестой день подряд. Не ливнем. Просто не прекращался ни на час. Медленно пропитывал землю, листья и тяжёлые гроздья неббиоло. Между рядами лоз чавкала грязь, а виноград, который ещё неделю назад обещал стать лучшим за последние годы, начал медленно терять свою плотность.

Соседи почти перестали здороваться друг с другом. Они стояли у заборов, смотрели на небо и каждый раз говорили одно и то же:

— Всё пропало.

Синьор Томмазо Ринальди только кивал. Потом шёл дальше.

Ему было семьдесят шесть, и за свою жизнь он видел слишком много гроз, чтобы спорить с природой.

Каждое утро он обходил виноградник пешком. Шел не торопясь, иногда останавливался, касался ладонью мокрых листьев и долго смотрел куда-то поверх холмов. Со стороны казалось, будто он разговаривает с лозами.

В то утро рядом с ним шагала его внучка Бьянка. Она приехала из Турина всего на несколько дней. Бьянка работала финансовым аналитиком в крупном банке и уже второе утро не понимала, почему дед выглядит таким спокойным.

— Нонно...

Он обернулся.

— М-м?

— Ты совсем не переживаешь?

— О чём?

Она даже остановилась.

— Как это о чём? Половина урожая погибает.

Томмазо сорвал одну ягоду, раздавил её между пальцами и посмотрел на густой рубиновый сок.

— Возможно.

— Возможно?

— Возможно.

Бьянка всплеснула руками.

— Дедушка, если дождь не закончится сегодня-завтра, вы потеряете огромные деньги.

Томмазо улыбнулся.

— Деньги, может быть.

— Что значит “может быть”?

Он вытер пальцы о старую полотняную тряпку.

— Зато мы наверняка приобретём историю.

После обеда дождь наконец закончился. Они сидели под навесом каменного дома. На столе стояли хлеб, овечий сыр, миска с инжиром и бутылка Бароло. Томмазо сам открыл её штопором, отполированным десятилетиями.

— Какой год? — спросила Бьянка.

Старик посмотрел на этикетку. И неожиданно улыбнулся.

— Восемьдесят шестой.

Он налил немного вина сначала внучке, потом себе. Яркий гранатовый цвет вспыхнул в бокалах.

Томмазо долго крутил вино. Потом вдохнул аромат и закрыл глаза.

— Вот видишь...

— Что?

— Это тоже был год плохого дождя.

Бьянка удивлённо посмотрела на бутылку.

— Правда?

Он кивнул.

— Даже хуже нынешнего. Мне было примерно столько лет, сколько сейчас твоему отцу. Всю весну тогда стояла жара. Потом пришёл холод. Потом град. Потом дожди. Соседи уже заранее обсуждали, кто сколько потеряет. Некоторые вообще решили не собирать урожай. Считали, что он ничего не стоит.

Он сделал маленький глоток.

— А мой отец...

Томмазо тихо рассмеялся.

— Вот уж упрямый был человек.

Он каждое утро повторял одну и ту же фразу.

“Лоза никогда не делает ошибок. Ошибаются только люди.”

— И что это значит?

— Тогда я сам этого не понимал. Мне казалось, он просто успокаивает себя. Мы всё-таки собрали виноград. Его было мало. Очень мало. Я был уверен, что получится посредственное вино. Мы разлили его по бочкам... и забыли. Потому что следующий урожай оказался намного удачнее. Все только о нём и говорили. А эти бочки так и стояли в дальнем углу погреба.

Томмазо поднялся.

— Пойдём.

Они спустились по каменным ступеням. В старом погребе пахло влажным деревом, вином и прохладным камнем. Свет падал через маленькое окно под самым потолком. Энцо провёл рукой по старым дубовым бочкам.

— Через несколько лет начали открывать бочки восемьдесят шестого. И вдруг оказалось...

Он сделал паузу.

— Что такого вина раньше никто не пробовал.

Бьянка внимательно слушала.

— Оно было другим. Не таким ярким. Не таким громким. Но удивительно глубоким. Словно виноград всё лето не рос, а терпел.

Он улыбнулся.

— Потом один французский критик дал ему очень высокую оценку. Потом появились коллекционеры. Потом рестораны. Через десять лет люди специально искали именно тот урожай. Тот самый, который все считали провальным.

Бьянка долго молчала. Наконец спросила:

— И почему так получилось?

Томмазо подошёл к одной из лоз, которая росла прямо возле входа в погреб. Пальцами коснулся старого узловатого ствола.

— Потому что дождь заставил корни искать глубину.

Он говорил медленно, словно объяснял это не внучке, а самому винограднику.

— Когда земле легко, лоза живёт у поверхности. Когда трудно... она уходит корнями глубоко вниз.

Он поднял взгляд на холмы. Дождевые облака уже уходили к горизонту. Между ними снова пробивалось вечернее солнце. Мокрые листья вспыхнули золотом.

— Знаешь, Бьянка, люди почему-то думают, что хороший год делает хорошее вино. Это неправда. Хороший год создаёт хорошее настроение. А великое вино очень часто рождается после того, как лозе пришлось побороться с природой.

Он сделал последний глоток. Потом тихо добавил:

— Наверное, с людьми всё почти так же.

Триумф терпения

В мастерской синьора Бернардо на одной из узких улочек Кремоны всегда пахло канифолью, древесной стружкой и старым лаком. На стенах, словно застывшие бабочки, висели корпуса скрипок. Бернардо было за семьдесят, и сорок лет из них он хранил на самой верхней полке, укутанную в плотную мешковину, массивную доску балканского клёна.

Эта доска была его проклятием и его тайной. Клён имел безупречный волнообразный рисунок, а при легком ударе пальцем издавал чистый, хрустальный отзвук. Миллионеры из Токио, знаменитые музыканты и заезжие перекупщики предлагали за этот кусок дерева баснословные деньги. Но Бернардо лишь качал головой и убирал мешковину на место. В гильдии лютея его давно считали сумасшедшим стариком, который чахнет над своим сокровищем.

— Дерево ещё не готово, — неизменно отвечал он на все расспросы.

— Ему сорок лет, Бернардо! Оно суше, чем кости твоих предков! — смеялись коллеги. Но старик молчал.

Однажды в дождливый ноябрьский вечер, когда Кремону окутал плотный туман, в мастерскую вошёл молодой человек. Он был бледен, его пальто промокло насквозь, а руки дрожали от холода. Это был Марчелло — молодой скрипач, о котором в последнее время много говорили в консерватории, но который никак не мог найти «свой» инструмент.

— Синьор Бернардо, — тихо сказал юноша, — я перепробовал сотни скрипок. Страдивари, Гварнери... Они идеальны, но они какие-то чужие. Они рассказывают мне свои истории, а я хочу, чтобы инструмент рассказал мою. Я никак не могу найти инструмент, который перестанет мне сопротивляться.

Бернардо долго смотрел на его длинные, тонкие пальцы, в которых сквозило странное напряжение. Он не сказал ни слова. Старик пододвинул стремянку, поднялся к самой крышке шкафа и снял тяжелую, запыленную доску. Марчелло заворуженно наблюдал, как мастер бережно развернул мешковину.

— Подойди, — позвал Бернардо. — Положи ладонь вот сюда. В самый центр.

Юноша подчинился. Как только его пальцы коснулись сухой, шероховатой поверхности клёна, он вздрогнул. Кожа почувствовала лёгкую, едва уловимую вибрацию, словно дерево ответило на тепло его руки.

— О Боже... — прошептал Марчелло. — Оно... словно живое!

Бернардо слабо улыбнулся, и на его глазах навернулись слёзы. Сорок лет ожидания, сорок лет насмешек и отказов в одну секунду обрели смысл.

— Оно ждало тебя, сынок, — тихо произнёс мастер, беря в руки лекало и первый резец. — Все эти годы оно ждало именно твои руки. Если бы я отдал его кому-то другому, оно бы замолчало навсегда. Ему нужно было созреть для твоей боли и твоей радости.

Через три месяца скрипка была готова. Когда молодой скрипач Марчелло Коста провёл смычком по струнам, стены мастерской словно растворились. Инструмент не просто звучал — он дышал, плакал и пел голосом человека, который наконец обрёл свой дом. Звук был глубоким и бесконечно живым.

Бернардо стоял у окна и молча слушал этот триумф терпения. Он понимал, что, возможно, создал лучший инструмент в своей жизни — тот, который переживёт их обоих.

Он поднял глаза на верхнюю полку, впервые за сорок лет опустевшую. Долго смотрел на неё. Потом едва заметно улыбнулся.

Медленные деревья

Синьор Бартоло стоял на коленях в густой траве, бережно окапывая корни лимонного дерева. Его пальцы, грубые и узловатые, как корни этих самых деревьев, помнили каждый клочок земли на вилле Чипресси. Ему шёл восьмидесятый год, и всю свою жизнь он провёл здесь, под сенью тосканских холмов, где время текло иначе — медленно, как созревающий оливковый сок.

Шорох гравия заставил его обернуться. К нему шёл Маттео, новый владелец виллы. Молодой предприниматель из Милана постоянно куда-то спешил, говорил короткими фразами и почти не выпускал телефон из рук. Он купил это поместье неделю назад и сразу решил всё перестроить.

— Бартоло, — Маттео остановился, недовольно разглядывая вековые, скрюченные стволы олив, росших вдоль главной террасы. — Завтра приедут рабочие с техникой. Мы убираем эти старые оливы. Они закрывают вид на бассейн. И вообще, они слишком медленно растут. Я хочу заказать из питомника молодые пальмы и канадские клёны. Они вымахают за два года.

Старый садовник не спеша поднялся, опираясь на лопату. Он посмотрел на Маттео, потом перевёл взгляд на оливковое дерево, чья кора напоминала глубокие морщины на лице покойного деда Бартоло.

— Именно поэтому они здесь уже триста лет, — тихо сказал старик.

— Что «поэтому»? — не понял Маттео, сверяясь с экраном часов.

— Они растут медленно, синьор, — Бартоло ладонью прикоснулся к серой, нагретой солнцем коре. — Дерево, которое спешит, умирает молодым. Его древесина рыхлая, а корни слабые. Олива же копит солнце капля за каплей. Сто лет она пускает корни вглубь, сквозь камни и засуху. Ещё сто лет она учится терпению. И только потом даёт по-настоящему благородные плоды. Эти деревья видели, как строилась эта вилла. Они пережили войны, морозы, чуму и не одного хозяина этой виллы. А вы хотите поменять их на какие-то клёны, потому что вам некогда ждать?

Маттео усмехнулся, но в карман за телефоном не полез. Что-то в спокойном голосе старика заставило его остановиться.

— Бизнес требует скорости, Бартоло. У меня нет ста лет. Я хочу видеть результат сейчас.

— Земля не любит спешки, — качнул головой садовник. — Человек считает себя хозяином, но он здесь лишь временный гость. Мы уйдём, а эти деревья останутся. Если, конечно, мы не проявим глупость.

Вечером Маттео не смог уснуть. В открытые окна спальни доносился стрекот цикад и тяжёлый, густой аромат нагретой за день земли. Слова старика засели у него в голове, как заноза. Он вышел в сад. Лунный свет заливал террасу, и старые оливы в этом серебряном сиянии казались древними титанами, охраняющими покой холмов. В их молчаливом величии была сила, которую нельзя было купить на миланской бирже.

Утром техника на виллу так и не приехала. Маттео нашёл Бартоло у домика с инструментами. Старик перебирал саженцы дубов — крошечные прутики с несколькими зелёными листьями.

— Бартоло, — позвал Маттео. — Оливы остаются. Пусть растут и дальше.

Старик молча улыбнулся, не выразив ни капли удивления.

— Но я хочу попросить вас кое о чём, — молодой человек замялся, чувствуя себя немного неловко. — Помогите мне посадить один из этих дубов. Вот здесь, на южном склоне.

— С превеликим удовольствием, — отозвался старик.

Они работали вместе. Маттео впервые в жизни снял пиджак, испачкал руки в пахнущей перегноем тосканской земле и до боли в ладонях копал лунки. Бартоло бережно опускал хрупкие саженцы в землю, а Маттео аккуратно присыпал корни.

Когда всё было кончено, Маттео выпрямился, вытирая пот со лба. Он посмотрел на крошечный прут дуба, который едва доходил ему до колена.

— Ему понадобятся десятилетия, чтобы стать настоящим деревом, верно? — спросил он.

— Около восьмидесяти лет, чтобы раскинуть свои ветви, — ответил Бартоло. — Сто пятьдесят, чтобы стать великаном.

Маттео долго смотрел на саженец. Он вдруг отчетливо понял, что никогда не увидит этот дуб мощным, дарующим густую тень в знойный полдень. Мир изменится, сменятся поколения, его самого давно не будет на свете, а этот дуб, посаженный его руками, будет только входить в свою силу.

Впервые в жизни Маттео ощутил странное, щемящее и одновременно освобождающее чувство.

Он улыбнулся, бережно поливая тонкий стебель из старой лейки. Время на вилле Чипресси наконец-то замедлило свой ход.

Пьемонтская буренка

Свет в кухонном окне Энцо всегда отдавал дешёвой желтизной — старик не признавал современные белые лампы, говоря, что от них в глазах стоит туман, как в долине реки По в ноябре. На часах было начало одиннадцатого вечера. За окном тускло блестели мокрые крыши Турина, а на столе остывал кофейник-мока.

Сальваторе, его восемнадцатилетнему внуку, это время казалось началом жизни. Для Энцо это было время, когда земля вокруг замирает. Сорок лет подряд в этот самый час он проверял тормозные магистрали тяжёлых товарных составов в депо, готовясь уйти в темноту альпийских туннелей.

— Нонно, — Сальваторе покрутил в руках пустую чашечку, разглядывая густой кофейный осадок. — Я вчера читал статью про старую линию через Модан. Там писали про бураны. Тебе никогда не было страшно? Ну, ночью. Или когда туман такой, что не видно собственного носа. Ты один в кабине, а за спиной тысячи тонн железа.

Энцо ответил не сразу. Он медленно расправил усы, пожелтевшие от табака у самых губ, и посмотрел на свои пальцы — толстые, с вьёвшейся под ногти мазутной чернотой, которую не смыло даже десятилетие пенсии. Ему было далеко за семьдесят, но спину он держал так, будто до сих пор сидел в жёстком кресле электровоза FS.

— Страшно, — просто сказал Энцо. — Каждый раз было страшно, Сальваторе. Горы не привыкают к людям. Им плевать, сколько у тебя часов наката.

— Но как тогда? — Сальваторе подался вперёд. — Как можно нажать на контроллер и ехать в пустоту? Зная, что впереди может быть обвал или снежный занос?

Старик тихо усмехнулся, и этот звук был похож на треск сухого хвороста.

— Ошибка молодых в том, — произнёс он, глядя куда-то сквозь внука, в ту самую темноту за окном, — что вы пытаетесь объять взглядом весь путь. Ты стоишь на станции отправления и думаешь о конечной. О километрах тьмы, о подъёмах и крутых поворотах. От этого у вас и опускаются руки. Но штука в том, что ты никогда не ведёшь поезд до конца пути сразу.

Энцо поднял указательный палец, фиксируя внимание Сальваторе.

— Ты ведёшь его только до первого семафора. Видишь зеленый огонек? Едешь к нему. Доехал — туман расступился на секунду. Дальше ищешь глазами следующий сигнал. Желтый? Притормаживаешь. Зеленый? Идешь дальше. От одного огня до другого. От пикета к пикету. Еще двести метров. Еще триста. Ты дробишь ночь на маленькие, понятные куски. И так — пока не взойдет солнце над Шамбери.

Он снова потянулся к кофейнику, налил себе еще каплю чёрного золота и добавил уже тише:

— В жизни, Сальваторе, всё точно так же. Не смотри на всю гору целиком. Просто ищи глазами следующий камень за который можно зацепиться.

— Нонно, — тихо произнёс внук, замороженный этой метафорой коротких сигналов во тьме. — А бывало так, что... ну, совсем наоборот? Не буран, не слепой туман, а когда всё понятно. Была у тебя история, которую ты вспоминаешь с улыбкой?

Энцо замолчал, опустил взгляд на свою чашку, потом перевёл его на окно, за которым мерцали редкие огни ночного Турина. На его лице, изрезанном глубокими морщинами, проступило странное выражение. Он не шевелился несколько секунд, будто прислушиваясь к какому-то внутреннему стуку колёс, уносившему его на полвека назад. Губы старика тронула едва заметная, тёплая улыбка.

— Была, — наконец произнёс он, и голос его зазвучал иначе, сбросив тяжесть недавних воспоминаний. — Это было, кажется, в семьдесят третьем... или в семьдесят пятом. Да, точно, в семьдесят пятом, я тогда только-только познакомился с твоей бабушкой Люцией. Голова была забита не графиками движения, а её кудрями и тем, как от неё пахло лавандовым мылом.

Энцо поправил воротник старой фланелевой рубашки и поудобнее перехватил свою чашку.

— Еду я, значит, в один из таких дней. Погода — сказка, редкая для наших мест. Солнце заливает всю долину, воздух прозрачный, чистый. Никакого тебе альпийского смога или мглы. Видно все перегоны на десятки километров вперёд. Сидишь в кабине, летишь по рельсам и просто любишь жизнь.

Старик прищурился, словно снова всматривался сквозь лобовое стекло электровоза.

— И вдруг там, далеко впереди, на стыке рельсов, замечаю какую-то серую точку. Ну, думаю, крупная птица или ветка. Еду дальше. Присматриваюсь — нет, для птицы великовата, но силуэт никак не разобрать, воздух у самой земли от жары немного дрожит. Я нажал на педаль, посигналил. Громко так, на всю долину — тууу-ууут! Точка даже не шелохнулась.

Сальваторе не смог сдержать улыбку.

— Согласно инструкции, я сразу доложил диспетчеру в Модан, что вижу препятствие, и начал потихоньку сбавлять ход. Состав тяжёлый, тормозить надо плавно. Подъезжаю ближе, и тут мы с помощником начинаем хохотать. На путях развалилась бурёнка. Большая такая, статная пьемонтская корова, бежево-серая, с огромными боками. Лежит себе совершенно спокойно прямо между рельсов, как на лучшем курорте в Лигурии, жуёт какую-то травинку и в ус не дует.

Энцо покачал головой, вспоминая ту картину.

— Я подкатываюсь к ней совсем близко, ещё раз даю тифон — так, что у самих уши закладывает. Многотонная махина шипит тормозами, грохочет, а ей хоть бы что. Посмотрела на нас своими огромными грустными глазами, перевалила жвачку на другую сторону и продолжила лежать. Ей там было хорошо: рельсы нагрелись на солнышке, тепло снизу идёт, ветерок обдувает... Зачем уходить?

— И что вы сделали? — рассмеялся Сальваторе.

— А что делать? Тормознули в паре метров от её носа. Полная остановка посреди идеального солнечного дня. Пришлось мне глушить тягу, открывать тяжёлую дверь кабины и спускаться по ступенькам вниз, на насыпь. Помню, сорвал у обочины длинный сухой хвост, подошёл к ней. Диспетчер в радиии разрывается, спрашивает, в чём задержка, а я стою посреди Альп и уговариваю корову освободить дорогу государственному экспрессу. Похлопал я её слегка этим хвостом по боку, прикрикнул. Она так нехотя поднялась на свои четыре копыта, оскорбленная в лучших чувствах, и не спеша побрела на луг.

Энцо сделал глоток остывшего кофе и посмотрел на внука.

— Вот тебе и вся романтика. Иногда горы проверяют тебя на прочность буранами, а иногда выставляют против тебя пьемонтскую корову, которой просто понравилось греть бока на твоём пути. Жизнь редко спрашивает, готов ли ты к таким поворотам. Она просто подкидывает их, а дальше всё зависит только от тебя.

Пепел и чернила

В мастерской маэстро Либерио Росси всегда пахло одинаково: старым клеем из кроличьих костей, сушеной лавандой, сыростью векового туфа и горьковатым ароматом крепкого кофе, который он варил в крошечной гейзерной кофеварке трижды в день. Его мастерская пряталась в одном из узких переулков римского района Трастевере, куда солнце заглядывало всего на пару часов в полдень.

В следующем году синьору Росси должно было исполниться восемьдесят четыре года. Его пальцы, пожелтевшие от табака и дубильных веществ, двигались с грацией старого хирурга. Он возвращал к жизни то, что другие считали хламом.

В тот четверг, когда на улице шумел мелкий дождь, превращающий брусчатку в глянцевое зеркало, дверь мастерской открылась, и внутрь вошла молодая девушка. Она прижимала к груди свёрток из плотной холщовой ткани.

— Здравствуйте, синьор Росси. Меня зовут Лючия, — девушка была взволнована. — Мне сказали, что вы сможете помочь. — Она аккуратно положила свёрток на стол. — Это дневник моей прабабушки из Калабрии. В её доме случился пожар два месяца назад.

Либерио долго рассматривал книгу. Потом надел очки и осторожно приподнял пинцетом один из обгоревших листов. Чернила местами выцвели, а бумага приобрела глубокий янтарный оттенок, переходящий на краях в угольную черноту. Запах гари мгновенно перебил аромат заваренного кофе.

Лючия присела на край деревянного стула, нервно перебирая пальцами.

— Я хочу, чтобы страницы снова стали белыми. Я читала, что используют специальные растворы... перекись там, деликатное отбеливание. Я заплачу любые деньги, маэстро. Только бы сохранить этот дневник.

— Лючия, — тихо произнес он. — Посмотри сюда. Ты видишь этот тёмный развод вокруг ожога? Это не просто грязь. Это, скорее всего, след от воды, которой тушили огонь. А вот здесь, на полях — капля воска от свечи, при которой, я полагаю, твоя прабабушка писала эти строки. Если я отбелю их, то лишу этот дневник прошлого, а страницы сделаю «пустыми». Бумага станет чистой, но она потеряет свой голос. Время и несчастья — это тоже соавторы дневника.

Либерио посмотрел в окно, за которым капли дождя стучали по старой черепице. Запах гари напомнил Либерио сразу две истории. Первой было наводнение во Флоренции в 1966 году, когда он вместе с сотнями добровольцев вытаскивал из грязи книги затопленных библиотек. Но почему-то сейчас вспомнилось другое. В августе 1970 он с друзьями случайно оказался в небольшой деревушке под Неаполем. Ночью они проснулись от криков и суеты за окном. Когда же вышли на улицу, то увидели зарево — в местной церкви случился пожар.

Он вспомнил, как в ночной рубашке тут же бросился к церкви, как не раздумывая забежал в горящее здание и вытащил из огня единственную книгу — старинный миссал. Его руки тогда были покрыты волдырями, а обложка книги обуглилась почти полностью. Но когда он открыл её, текст внутри — слова древней молитвы — остался почти нетронутым. Огонь сожрал кожу, уничтожил переплёт, но не смог прикоснуться к сути. Именно тогда Либерио подумал: пламя способно уничтожить бумагу, дерево или плоть. Но оно абсолютно бессильно против памяти, смыслов и любви, которые эти вещи в себе несли.

— Мы не будем отбеливать страницы твоего дневника, — мягко, но твёрдо сказал маэстро. — Мы укрепим края японской бумагой, восстановим переплёт из новой кожи, но сохраним каждый ожог. Твоя прабабушка выжила в том пожаре?

— Да, — шёпотом ответила Лючия. — Она сейчас в больнице.

— Вот и славно. И дневник тоже выжил. А мы с тобой ему лишь немного поможем.

Они работали над книгой две недели. Лючия приходила каждый день, училась держать кисть и аккуратно наносить тонким слоем клей, восстанавливать обугленные уголки и готовить кожу для обложки...

Когда работа была окончена, дневник снова можно было брать в руки, не боясь, что страницы рассыплются: благородная новая кожа удерживала внутри хрупкие, опалённые огнём страницы, которые теперь напоминали крылья редкой ночной бабочки. Лючия поблагодарила маэстро, забрала дневник и уехала, а через несколько дней в мастерскую Либерио принесли посылку. Внутри была свежая калабрийская домашняя выпечка и короткая записка, написанная слабой, дрожащей рукой на чистом листе: «Спасибо, маэстро Либерио, что сохранили мои морщины на этих страницах». Либерио улыбнулся, сделал глоток остывшего кофе и принялся за следующую книгу.

Прошёл год.

Синьор Росси сидел в своём кресле, его глаза стали видеть хуже, и он всё чаще просто сидел в темноте, слушая радио. Дверь мастерской скрипнула. Вошла Лючия — но не с пустыми руками, а с завёрнутым в холст старым фолиантом, который она нашла на блошином рынке. Она поздоровалась, надела фартук, взяла инструменты и села за соседний стол, который Либерио за этот год так и не освободил до конца.

Маэстро смотрел на её уверенные движения, на то, как бережно она касается пожелтевших страниц, и понял, что его ремесло не закончится вместе с ним. Огонь времени забирал силы у его тела, но смысл его жизни останется здесь, в этой мастерской и в руках этой молодой девушки.

Память кожи

Синьор Лоренцо сидел у окна своей мастерской на виа делла Кондотта, подставив лицо скупому флорентийскому солнцу. На дубовом столе ровными рядами стояли сотни стеклянных флаконов, но для Лоренцо они теперь были лишь цветными бликами. Парфюмер, чей нос когда-то считали «золотым», почти полностью потерял обоняние. Мир вокруг него стремительно немел, превращаясь в тусклую, лишённую запахов пустыню. Проклятие старости пришло тихо, как вечерний туман с реки Арно.

Дверной колокольчик звякнул, впустив прохладный воздух и шорох легких шагов. Лоренцо не повернул головы, но услышал, как у стола кто-то остановился.

— Синьор Лоренцо? — голос был робким, и в нём чувствовалось отчаяние. — Мне сказали, вы лучший парфюмер в этом городе. И что вы можете поймать во флакон любое воспоминание.

— Люди склонны преувеличивать мои возможности, дитя мое, — старик медленно повернулся, не открывая глаз. — Мой нос теперь служит мне не лучше, чем старая трость. Зачем ты пришла?

— Моя бабушка... её не стало два месяца назад, — девушка вздохнула, пытаясь сдержать слёзы. — Я хочу, чтобы вы создали для меня аромат... Такой, который бы вернул мне её. Хотя бы на мгновение. Я принесла флакон её любимых французских духов, но он пустой...

Она бережно поставила на стол изящную стеклянную баночку. Лоренцо открыл глаза, посмотрел на флакон, но даже не прикоснулся к нему.

— Запах духов нельзя придумать, — качнул он головой. — Его можно только вспомнить. Но ты совершаешь ошибку, которую делают многие.

Девушка удивленно замерла.

— Какую ошибку?

— Ты ищешь её в парижской фабрике, — старик слабо улыбнулся и кивнул на флакон. — Но память о человеке состоит не из духов. Духи — это лишь маска, которую мы покупаем в лавке. Скажи мне лучше, как вы проводили время? Расскажи мне не о ней, о ваших днях.

Девушка растерялась, опустила руки и задумалась. Её взгляд уплыл куда-то в сторону холмов Фьезоле.

— Ну... — тихо начала она. — Каждое утро начиналось одинаково. Обычно я просыпалась от звуков, доносившихся из кухни. Бабушка любила готовить мне омлет с маленькими помидорками черри или запеканку из творога с цукатами.

Лоренцо кивнул, словно делая невидимую отметку в воздухе.

— Так. Что еще?

— По субботам..., — на лице девушки появилась слабая улыбка. — По субботам она пекла сладкие булочки с изюмом и цедрой. Вся квартира тогда пахла ванилью и дрожжевым тестом. А ещё... от неё всегда пахло лавандой. И она любила носить огромную серую шаль, в которую куталась, когда шёл дождь.

— Продолжай, — негромко попросил парфюмер.

— Зимой мы кололи дрова для камина. Сухие, немного трухлявые поленья, которые трещали в огне и пахли горьким дымом. И апельсины... Она всегда чистила их руками, и эфирное масло брызгало на её пальцы — этот резкий, праздничный цитрусовый аккорд, смешанный с теплом её кожи.

Девушка замолчала. В мастерской воцарилась глубокая, звенящая тишина. Она посмотрела на свои ладони, затем на старого парфюмера. На её щеке блестела слеза, но это была уже не та горькая слеза отчаяния, что вначале.

Лоренцо взял со стола французский флакон, повертел его недолго в руках и аккуратно вернул девушке. Та убрала его в сумочку.

— Видишь? — тихо сказал он, глядя в окно, где над крышами Флоренции уже занимался вечер. — Тебе не нужен парфюмер, дитя мое. И этот флакон тебе тоже не нужен. Творожная

запеканка, сладкая ваниль субботнего утра, мокрая шерсть под дождём с запахом лаванды, дым сухих дров и сок апельсина на пальцах... Твоя бабушка осталась не в каплях дорогой эссенции, она осталась в памяти твоей собственной кожи, которая впитала её тепло. Память о человеке не живёт в дорогих флаконах. Она живёт в этих простых, земных вещах. И пока ты помнишь запах её субботнего хлеба, она никуда не уйдёт.

Девушка долго смотрела на старика. Потом медленно кивнула, словно внутри неё встал на место какой-то важный, невидимый компас.

— Спасибо, синьор Лоренцо, — прошептала она.

Когда девушка ушла, Лоренцо снова остался один. Он поднёс к лицу свои старые ладони, покрытые морщинами и тонкой сетью прожилок. Сделал глубокий вдох. Он почти ничего не почувствовал носом. Но внутри него, в тёмных лабиринтах сердца, отчетливо вспыхнул запах лимонных деревьев из сада его матери, ушедшей сорок лет назад. Парфюмер улыбнулся и закрыл глаза.

Двадцать четыре

В мастерской синьора Армандо Понти всегда пахло старой фотобумагой, проявителем, древесиной ореховых шкафов и крепким эспрессо, который он варил в маленькой алюминиевой моке каждое утро ровно в семь.

Его студия пряталась в одном из узких переулков Болоньи. На витрине висела выцветшая табличка:

Fotografia dal 1958.

Люди заходили редко. Теперь почти все фотографировали телефонами. Но синьора Армандо это нисколько не огорчало.

Ему было восемьдесят три. Он уже почти не снимал на заказ. Иногда, правда, пытался поймать лицо случайного прохожего, если видел в нём некую историю.

На полках стояли старые Leica, Hasselblad, Rolleiflex, несколько потрёпанных Nikon с потёртой кожей на корпусе. В углу тикали настенные часы, а из дальней комнаты ещё пахло проявителем и уксусным фиксатором, хотя печатал фотографии он всё реже.

— Камера никогда не делает хороших фотографий, — любил повторять Армандо. — Их всегда делает человек, который стоит за ней.

В один из октябрьских дней в мастерскую вошёл молодой парень. Высокий. Худой. С современной камерой на плече.

— Здравствуйте, синьор Понти.

— Добрый день, молодой человек. Чем могу помочь?

— Мне сказали, что вы самый старый фотограф в Болонье.

Армандо рассмеялся.

— Очень надеюсь, что не последний.

Парень тоже улыбнулся.

— Меня зовут Лука. Я учусь на архитектора и параллельно постигаю искусство фотографии.

— Что ж, похвально.

Армандо поставил на стол две маленькие чашки.

Лука посмотрел на старые фотоаппараты.

— Вы правда до сих пор снимаете на плёнку?

— Иногда, молодой человек.

— Но зачем?

Старик пожал плечами.

— Наверное, потому что она не позволяет мне лениться.

Лука непонимающе посмотрел на него.

— У меня на карте памяти помещается почти четыре тысячи фотографий.

— Вот именно! — синьор Понти налил в чашки крепкого кофе.

— Разве это плохо?

Армандо медленно достал из ящика маленькую картонную коробочку. Внутри лежала новая катушка плёнки. Он положил её перед собой.

— Здесь только двадцать четыре кадра.

Лука взял коробочку в руки.

— И что вы хотите этим сказать?

— Когда у тебя всего двадцать четыре попытки, ты начинаешь смотреть внимательнее.

— Но ведь можно просто сделать больше кадров и...

Армандо покачал головой.

— Можно.

Он сделал маленький глоток кофе.

— Только тогда очень легко перестать видеть.

Лука задумчиво вертел в руках катушку. С улицы донёсся звон колоколов.

— Неужели вам никогда не хотелось иметь возможность сделать тысячу кадров?
Старик улыбнулся.

— Конечно хотелось. Но потом понял одну вещь. Погоди...

Он поднялся и подошёл к старому шкафу. Достал с верхней полки большую чёрно-белую фотографию в деревянной рамке. На снимке была узкая улица, старый дом и женщина, закрывающая ставни. На её лице лежал тонкий луч вечернего солнца. Всё остальное оставалось в глубокой тени. Фотография была удивительно простой, но почему-то от неё невозможно было отвести взгляд.

— Это лучший снимок, который я когда-либо делал. Его даже опубликовал один известный журнал. После этого меня несколько раз приглашали на выставки и просили рассказать, как мне удалось поймать такой свет. Однако я всегда отвечал одинаково:

— Я его не ловил. Просто дождался.

— И долго вы его ждали?

Армандо усмехнулся.

— Дольше, чем тебе кажется...

— Расскажите, пожалуйста, — взмолился Лука.

Армандо ещё некоторое время подержал фотографию в руках и лишь потом продолжил.

— Это площадь в Сан-Кашано, — сказал он. — Весна семьдесят девятого.

Лука перевёл взгляд на снимок.

— Я думал, вы поймали удачный кадр случайно.

Старик на секунду прикрыл глаза.

— Случайно получаются только плохие фотографии.

Он осторожно поставил рамку обратно на полку.

— В тот год один мой знакомый архитектор попросил сделать несколько снимков старого квартала перед реставрацией. Работа была обычная. Такие заказы тогда попадались постоянно. Я ходил по улицам с самого утра, фотографировал фасады, окна, балконы.

Он ненадолго замолчал.

— И вдруг заметил женщину.

— Ту самую на фото?

Армандо кивнул.

— Каждый вечер, ровно без пяти семь, она закрывала ставни.

— Каждый день?

— Каждый.

— И что?

— Ничего. — Улыбнулся сеньор Понти.

Лука удивлённо посмотрел на него.

— Просто в этот момент солнце садилось между двумя домами. Он показал пальцем на фотографию.

— Видишь этот луч?

Лука кивнул.

— Он появлялся меньше чем на минуту.

— И вы решили её сфотографировать?

— Нет, — Армандо покачал головой. — Сначала я просто остановился посмотреть.

Он улыбнулся своим воспоминаниям.

— Иногда фотографу полезно забыть, что у него в руках камера.

Он подлил себе немного кофе. Запах свежего эспрессо смешался с запахом проявителя.

— На следующий день я пришёл заранее.

— И? — с нетерпением выкрикнул Лука.

— Мне помешали облака.

Он пожал плечами.

— Солнца не было видно.

— А женщина?

— Она закрыла ставни как обычно.

— И вы ничего не сняли?

— Нет.

Лука удивлённо поднял брови.

— Почему?

— Потому что фотографии уже не существовало.

Он произнёс это спокойно, словно говорил о чём-то обыденном.

— Иногда судьба говорит тебе: “Сегодня не получится.” И с ней бесполезно спорить.

— Но я пришёл ещё раз.

— На следующий день?

— Через день.

— Получилось?

Армандо усмехнулся.

— Нет.

— Что вам помешало на этот раз? — возмутился Лука.

— Женщина вообще не вышла.

— Может, заболела?

Синьор Понти развёл руками, — Откуда ж мне знать!

Лука молчал. Теперь он уже не перебивал.

— На четвёртый день мне повезло, — продолжил Армандо. — Небо было чистое, солнце медленно садилось за горизонт. Я стоял на другом конце улицы. И вот, перед самым закрытием ставен, луч света лёг ей на лицо. Совсем ненадолго. Она подняла голову. Не специально. Наверное, просто почувствовала тепло. И в эту секунду...

Он замолчал.

— Вы нажали кнопку?

— Один раз.

— Всего один?

Армандо кивнул.

— Но почему?

Старик улыбнулся.

— Потому что второго кадра уже не существовало.

Лука долго смотрел на фотографию. Потом тихо спросил:

— И всё?

— А что ты хотел чтобы я сделал?

— Ну... может, ещё один кадр, на всякий случай?

Армандо покачал головой.

— Нет.

— Не страшно было ошибиться?

Старик задумался.

— Когда был молодым — было страшно. Потом понял одну простую вещь. Если всё время надеяться на следующий кадр... очень легко пропустить тот, который уже перед тобой.

Лука немного помолчал, потом снова посмотрел на фотографию.

— А что стало с той женщиной?

Армандо пожал плечами.

— Не знаю.

— Вы больше её не видели?

— Почему не видел... Видел, конечно.

Он улыбнулся.

— Ещё несколько раз проходил по той самой улице. Она открывала и закрывала ставни, поливала цветы, здоровалась с соседями. В общем, жила своей жизнью.

— А она знала, что стала героиней вашей известной фотографии?

— Думаю, нет.

Старик аккуратно пригладил свою бороду.

— И, знаешь... наверное, это даже хорошо.

Лука вопросительно посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что самые хорошие вещи случаются тогда, когда никто не старается стать особенным.

За окном начало смеркаться. В мастерской стало тихо. Только старые часы негромко отсчитывали секунды. Армандо снова взял со стола катушку плёнки и протянул её Луке.

— Держи.

— Мне?

— Тебе, кому же ещё...

Лука осторожно принял маленькую коробочку.

— Здесь двадцать четыре кадра. Постарайся, чтобы каждый оказался особенным.

Лука кивнул.

— Постараюсь.

Уже на выходе молодой человек вдруг обернулся.

— Синьор Понти...

— Да?

— А если я ошибусь?

Старик громко рассмеялся.

— Ошибёшься, парень. И не раз.

— И что тогда?

Армандо пожал плечами.

— Купишь новую плёнку.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом оба улыбнулись.

Когда дверь закрылась, Армандо подошёл к окну. На противоположной стороне улицы маленькая девочка, крепко держа отца за руку, что-то увлечённо показывала ему в небе. Мужчина поднял голову, и они оба замерли, разглядывая стаю птиц, которая кружила над вечерней Болоньей.

Армандо машинально коснулся фотоаппарата, стоявшего на полке. Потом убрал руку и просто продолжил смотреть на отца с дочкой.

Спуститься на землю

Лучиано Баргоцци умел определять характер человека по обуви. Тридцать лет он управлял семейной мануфактурой в Марке, где туфли шили вручную, стежок за стежком, и за эти годы глаз у него стал профессионально безжалостным. Он смотрел на разношенный каблук — и видел человека, который бережёт деньги на всём, кроме удовольствий. Видел новую подошву без единой царапины — и понимал, что перед ним кто-то, кто боится испачкаться.

В бизнес-классе рейса Милан—Франкфурт он разглядывал свои ботинки и думал, что за последний год налетал больше часов, чем провёл дома. Токио, Нью-Йорк, Лондон, потом снова Токио. Байеры хотели трогать кожу руками, щупать шов, и он возил образцы лично, как будто был не хозяином фабрики, а курьером собственного дела. Нет, Лучиано конечно же любил своё дело, но в этой гонке за контрактами он незаметно потерял итальянское умение просто наслаждаться моментом.

Всё изменилось, когда к его креслу подошла стюардесса с подносом.

— Воды, синьор? — тихо спросила она.

Лучиано поднял глаза. На её тёмно-синей форме поблёскивал бейджик с именем «Сильвия». Но Лучиано, верный себе, первым делом скользнул взглядом вниз. На ней были форменные туфли на невысоком каблуке — аккуратные, но явно жестковатые для долгих смен на ногах.

— Большое спасибо, Сильвия, — улыбнулся Лучиано, принимая стакан. — И простите мою профессиональную деформацию, но вашей обуви явно не хватает мягкой супинации, которую мы делаем в Марке. Вам должно быть тяжело проводить на ногах по восемь часов.

Сильвия удивлённо приподняла брови, а затем её лицо озарила тёплая, искренняя улыбка, которая мгновенно стёрла строгий лоск авиакомпании.

— Вы первый пассажир за пять лет, синьор, который пожалел мои ноги, а не попросил ещё один плед, — ответила она.

Дальше они разговаривали урывками — она проходила мимо, он что-то спрашивал, она отвечала на ходу, между делом поправляя тележку. Выяснилось, что она наполовину итальянка, выросла в Гамбурге, итальянский знает хуже немецкого и немного стесняется этого.

За время полёта между ними возникло то редкое притяжение, которое случается только на высоте десяти тысяч метров, где все земные проблемы кажутся незначительными.

Когда самолёт коснулся полосы во Франкфурте, Лучиано понял, что не может просто так уйти. На выходе из самолёта, он протянул Сильвии свою визитную карточку из плотного тисненого картона.

— Напишите мне, Сильвия. Хотя бы для того, чтобы я прислал вам пару идеальных туфель.

Она написала через несколько дней. Но не ради обуви.

Переписка тянулась пару месяцев — сухая, вежливая, с большими паузами, потому что у неё были рейсы, а у него встречи и совещания. Потом паузы стали короче. А потом появились голосовые сообщения, потому что печатать длинные тексты оказалось глупо, когда можно сказать голосом. Лучиано ловил себя на том, что слушает её сообщения по два раза — не потому что не расслышал, а потому что хотел ещё раз услышать, как она смеётся на середине фразы.

Он не помнил точно, когда решил, что хочет увидеть её снова, не в форме и не в аэропорту. Кажется, это случилось в четверг вечером, когда он третий раз за неделю не поехал на ужин с поставщиком кожи, сославшись на головную боль, а сам сидел на веранде с телефоном и слушал, как она рассказывает про турбулентность над Австрийскими Альпами.

— Прилетай, — сказал он вдруг, посреди её фразы про турбулентность. — Хотя бы на пару дней.

Она замолчала так надолго, что он подумал — сорвалось.

— Ладно, Лучиано, — сказала она наконец. — Я прилечу. Напиши, какие дни у тебя свободны, и я попрошу график без коротких стыков.

Они выбрали даты и Лучиано впервые за пять лет безжалостно перенёс три важные встречи с байерами на конец месяца. Свою фабрику он оставил на управляющего, строго наказав тому звонить только в случае пожара.

В Мальпенсе он ждал её с букетом, который сам и собрал — никаких пафосных роз, только то, что росло на холмах его родного Марке.

Когда Сильвия вышла из зоны таможенного контроля, на ней не было строгой тёмно-синей формы. В лёгком льняном платье и соломенной шляпе она казалась совсем другой — хрупкой и свободной от полётов и расписаний. На ногах у неё были простые светлые кеды. Лучиано улыбнулся.

— Это мы исправим, — сказал он, кивнув на кеды, и она рассмеялась чуть громче, чем нужно было для шутки, и он понял: нервничает не он один.

Они сели в его ухоженную Альфа-Ромео и поехали на восток, в регион Марке. Лучиано всё продумал заранее. Чтобы Сильвия чувствовала себя комфортно и не ощущала лишнего давления, он забронировал для неё уютный номер в «локанде» — маленьком семейном отеле своих старых друзей. Гостиница находилась всего в десяти минутах езды от дома Лучиано, среди оливковых рощ. Сам себе он не признался, зачем это сделал: то ли чтобы дать ей пространство, то ли чтобы не спугнуть себя же самого слишком быстрым сближением.

Два дня они провели в Марке. Сильвия с замиранием сердца наблюдала, как мастера вручную готовят элементы обуви по лекалам, как пахнет дорогой кожей и воском в мастерских, и как кусок тосканской замши превращается в произведение искусства. Старый мастер Дженнаро, вырезавший стельки уже сорок лет, показал ей, как кожа гнётся под нагретым утюжком, и позволил ей разгладить готовую стельку, а спустя час сказал: «У вас очень нежные руки, синьорина». Лучиано не стал тогда объяснять, что это была высшая похвала, на какую способен Дженнаро.

Вечером экономка Лучиано, синьора Ассунта, приготовила ужин — явно понимая, что происходит, и явно одобряя, — она подала на стол бутылку вина 1986 года, которое обычно доставали по праздникам. Сильвия ела руками, обмакивала хлеб в соус, и один раз, когда соус капнул ей на подбородок, Лучиано машинально протянул салфетку раньше, чем она успела заметить каплю сама.

Они проговорили до поздней ночи, словно знали друг друга всю жизнь, и вскоре симпатия, родившаяся на высоте десяти тысяч метров, на земле пустила крепкие корни.

На третий день он забросил в багажник её маленький чемодан — почти пустой, она явно не рассчитывала задерживаться, — и они поехали к морю, в Тоскану. Отель на берегу оказался ровно таким, каким он его помнил по прошлым приездам: соснами пахло сильнее, чем солью, и вечером на пирсе доски ещё держали дневное тепло.

Они сидели на деревянной лавке, Сильвия болтала ногами в новых туфлях из песочной замши — он всё-таки подобрал ей пару тайком, размер угадал по старым кедам.

— Знаешь, — тихо сказала она, кладя голову ему на плечо, — в небе всё кажется временным. Города, пассажиры, облака. Ты летишь и ни к чему не привязываешься. А здесь, с тобой, я впервые за много лет почувствовала, что такое земля под ногами. И она на удивление мягкая.

Лучиано обнял её, вдыхая запах моря и её волос. Он хотел сказать что-то про подошву и супинацию — старая привычка шутить про обувь, когда не знаешь, что сказать всерьёз, — но промолчал.

Позже они ужинали в маленьком семейном ресторанчике на самом берегу, где столики стояли прямо на деревянном настиле, в паре метров от лениво набегающих волн. Заведение держала пожилая супружеская пара, и в воздухе летал густой аромат запечённой на углях рыбы, чеснока и оливкового масла. Закат над Тосканским морем догорал ленивыми, пастельно-розовыми красками. Лучиано весь вечер крутил бокал и не решался начать. Наконец сказал, неловко, без заготовленных фраз:

— Знаешь, Сильвия, мой бизнес научил меня одной вещи: если ты находишь идеальный материал, нельзя упускать время. Нужно сразу шить пару. Эти дни... я словно заново научился дышать. И я бы очень хотел, чтобы ты осталась. — Он запнулся. — Я понимаю, что скорее всего прошу многого, но я хочу, чтобы ты осталась. Здесь. Со мной.

Сильвия посмотрела на него, и в её тёмных глазах отразился огонёк свечи. Она не ответила сразу — вздохнула, аккуратно поставила свой бокал и накрыла его ладонь своей.

— Лучиано, ты удивительный, — мягко улыбнулась она. — Моя жизнь последние годы — это сплошной бег по взлётной полосе, и здесь я впервые почувствовала, как это прекрасно — просто замедлиться. Я буквально без ума от Италии, от этих холмов, от этого моря... и от тебя. Но небо не отпускает человека за один день.

Она сжала его руку чуть сильнее.

— Знаешь, что самое страшное? — продолжила она. — Не то, что я не хочу. А то, что хочу — и от этого мне физически тяжело дышать, честное слово, вот прямо сейчас. Я пять лет строила жизнь так, чтобы ничего не держало меня на одном месте, потому что боялась, что если привяжусь — а потом придётся отвязываться, — это будет больше всего на свете.

— Я не прошу решить сегодня.

— Знаю, Лучиано. Но я не хочу давать тебе обещание, чтобы потом его нарушить. Ты заслуживаешь правды.

Она взяла у него бокал, сделала глоток и вернула.

— Дай мне время. Сперва мне нужно долететь обратно. Не звони мне первым. Если через две недели я не напишу — значит, я не смогла. А если напишу — то не потому что испугалась тебя потерять, а потому что решила, чего хочу на самом деле.

В Мальпенсе они стояли у стойки регистрации, и вокруг снова объявляли рейсы на Токио и Париж. Лучиано держал её за руку до последней секунды, пока не подошла очередь.

— Через две недели, — сказал он, не как вопрос.

Она не ответила ни да, ни нет. Поднялась на носки, поцеловала его — коротко, без той лёгкости, с какой целуют на прощание в аэропортах, — и пошла к стойке, не оборачиваясь.

Лучиано ещё долго смотрел, как её фигура растворяется в толпе у контроля. Он не знал, напишет ли она через две недели, через месяц или не напишет никогда. Он знал только одно: впервые за много лет он не спешил уходить. Стоял у стеклянного ограждения, засунув руки в карманы, и смотрел на пустое место, где она только что была.

Она не написала. Ни в тот вечер, ни на следующий день.

Прошло две недели. Потом три.

На двадцать второй день, когда он уже почти перестал проверять телефон, пришло сообщение. Без слов. Просто фотография: её ноги в песочных замшевых туфлях, на каком-то незнакомом ему полу — не в аэропорту, не в самолёте, где-то ещё. Он так и не понял, где она стоит.

Глубокий вдох

На склонах холмов Val di Funes от травы пахло горным чабрецом. Воздух здесь был настолько прозрачным, что казался осязаемым, а острые вершины Доломитовых Альп, подёрнутые золотом закатного солнца, застыли над долиной, словно стражи вечности. Внизу, в низине, мягко плыли облака, укутывая подножия гор белым пушистым морем.

Шестнадцатилетний Лукас шёл за дедом, почти не глядя по сторонам. Его пальцы привычно летали по экрану смартфона, ловя слабый сигнал сотовой сети. Он приехал в эту глухую альпийскую деревушку всего два дня назад и уже тосковал по шуму города, бесконечным уведомлениям и стримам.

Старик Йозеф шел впереди размеренным, шагом человека, который никуда не спешит. В руках у него была простая деревянная трость, а на плече — старый холщовый рюкзак. Они спустились к небольшому горному ручью, который весело журчал среди гладких серых камней.

— Знаешь, Лукас, — не оборачиваясь, тихо заговорил дед, — этот ручей течёт здесь сотни лет. Я уверен, он видел твоих прадедов.

— В интернете есть видео с водопадами в 4К, дедушка. Там картинка даже ярче, — буркнул Лукас, отправляя очередное сообщение.

Йозеф остановился, присел на поваленное грозой дерево у воды и жестом пригласил внука присесть рядом. Лукас нехотя спрятал телефон в карман и сел.

— Картинка в телефоне безупречна, — согласился дед, мягко улыбнувшись в усы. — Но она мертва. Она не может согреть твоё лицо, как это солнце. Она не умеет пахнуть хвоей и сырой землёй после утреннего тумана. Сеть даёт тебе чужой, кем-то отфильтрованный опыт. А природа предлагает тебе твой собственный.

Дед поднял с земли гладкий камень, омытый водой, и протянул юноше:

— Подержи. Что ты чувствуешь?

Лукас взял камень. Он был холодным, тяжёлым и слегка шероховатым с одного бока. Опустив руку в ручей, чтобы вернуть камень воде, парень вздрогнул от ледяной свежести горного потока. В этот момент телефон в кармане коротко завибрировал, но Лукас впервые не стал его доставать.

— Дед, но ведь в сети весь мир, — тише сказал Лукас, глядя на круги на воде. — Там мои друзья, там всё происходит прямо сейчас. Если я отключусь, я будто исчезну.

Йозеф покачал головой и посмотрел на бегущую воду.

— Знаешь, когда я был чуть старше тебя, я уехал в Париж. Мне казалось, что настоящая жизнь — это суэта, клубы, рестораны, газеты, бесконечные споры на бульварах. Я бегал с фотоаппаратом, пытался запечатлеть каждый миг, поймать признание коллег. А потом я сильно заболел. Месяц лежал в душной комнатке под крышей. И знаешь, о чём я думал?

— О Париже? — спросил Лукас.

— Нет, — улыбнулся старик. — Я закрывал глаза и вспоминал вот этот самый ручей. И туман, который сползает с вершин на рассвете. Я понял, что вся городская суэта была лишь декорацией, шумом. А здесь — основа. Сила, которая питает тебя, даже когда ты далеко. Я бросил всё и вернулся. И ни разу не пожалел. Каждое утро я выхожу на порог и вижу эти горы. Они не изменяют тебе, Лукас. Они настоящие.

— Но разве тебе не было скучно без новостей, без людей? — юноша внимательно посмотрел на деда.

— Настоящие новости — это когда прилетают первые ласточки или когда созревает черника, — ответил Йозеф, поднимаясь. — А люди... здесь они ближе друг к другу, потому что не прячутся за экранами. Пойдём, поднимемся повыше.

Они пошли дальше, туда, где зелёные луга плавно переходили в лесные массивы. Солнце опустилось ниже и вершины гор окрасились в невероятный, глубокий оранжевый цвет. Облака начали рассеиваться, обнажая изумрудные склоны и крошечные, словно игрушечные, силуэты одиноких елей.

— Посмотри туда, — Йозеф указал тростью на величественный горный массив. — Этот мир создавался миллионы лет. Он не требует от тебя лайков, не подстраивается под твои интересы и не просит обновить страницу. Он просто есть. И он принимает тебя таким, какой ты есть.

Лукас долго смотрел на горы. Телефон в кармане больше не казался важным. Впервые за долгое время ему не хотелось ничего снимать, никому ничего отправлять и ни с кем не делиться увиденным. Хотелось только стоять и смотреть. А вспышки новостей, чужие идеальные жизни, бесконечный цифровой шум — всё это растаяло перед лицом этой безмолвной, колоссальной красоты. Ему показалось, что он только сейчас, впервые за долгие месяцы, сделал по-настоящему глубокий вдох.

— Знаешь, дед... — тихо произнес Лукас, не отрывая взгляда от пылающих вершин. — А ведь ты прав. Камера в телефоне никогда не передаст этот цвет. Она его сделает слишком... искусственным.

— Вот именно, мальчик мой, — отозвался Йозеф, положив руку ему на плечо. — Самое прекрасное в жизни можно только пережить. Его нельзя сохранить на флешку.

Домой они возвращались уже в сумерках. Телефон Лукаса давно разрядился, но парень этого даже не заметил. Он шёл рядом с дедом, слушал стрекот цикад, вглядывался в синеющие контуры вершин и чувствовал странное, давно забытое умиротворение.

Впереди из темноты начали проступать силуэты деревни. Небольшие альпийские дома с деревянными балконами, украшенными цветами в глиняных горшках, дремали под сенью гор. Из труб струился едва заметный дым, уносящий в прохладный вечерний воздух запахи топящихся печей. В окнах горел мягкий янтарный свет, манящий теплом домашнего очага. В этой тишине, нарушаемой лишь далёким колокольчиком пасущейся коровы, было столько покоя и уверенности, что Лукасу впервые захотелось остаться здесь подольше. Реальность оказалась намного глубже, ярче и прекраснее любой, даже самой идеальной пиксельной картинки.

Домик в Италии

Дом она присмотрела в марте, по объявлению с тремя кривыми фотографиями и ценой, от которой муж присвистнул. Старая черепица, потрескавшиеся ставни цвета выцветшей охры, двор, заросший каперсами прямо из щелей между камнями. Хозяин, синьор Этторе, говорил по телефону так быстро, что она различала только числа и слово “subito”.

Лето она помнила потом по звукам. Цикады начинали орать в одиннадцать утра и не затыкались до заката — сначала это сводило с ума, через неделю стало просто фоном, как шум моря. Книги, которые она привезла с собой из Москвы, так и пролежали нетронутыми до августа: руки были заняты то лавандой, то тяткой, то развешиванием белья. Земля оказалась сухой и рыжей, ногти у неё за лето так и не отмылись полностью.

Дети бегали по двору босиком, и она первое время дёргалась — то камни, то осы, то чёрт знает что в траве. А потом перестала. Как-то сын разбил коленку о бортик старого колодца, поорал десять минут и забыл. Дочка нашла в сарае дохлую ящерицу и две недели хоронила её заново каждый день в новом месте.

Лимончелло она варила по рецепту соседки, синьоры Кармелы, которая на пальцах объясняла пропорции спирта и кожуры, потому что по-итальянски она пока говорила через слово. Банки стояли в погребе рядами, как солдаты, и муж шутил, что к сентябрю они смогут открыть свой бар.

По четвергам в отеле “Belvedere” внизу, в долине, крутили музыку семидесятых для местных пенсионеров. Она ходила туда сначала из любопытства, потом — уже не пропускала ни одного вечера. Танцевала с восьмидесятилетним Альфонсо, который держал спину прямее, чем многие тридцатилетние, и рассказывал про войну так, будто это было вчера. Старушки за соседним столиком разбирали её итальянский с материнским терпением, поправляли спряжения и угощали миндальным печеньем собственной выпечки.

К концу августа она уже знала по именам половину городка. И когда осенью муж спросил, стоило ли тратить все сбережения на дом, который полгода стоит пустой, она ответила, что готова продать машину и купить ещё один.

Уезжали они в последний понедельник августа, рано, пока не разогрелось. Муж грузил чемоданы в багажник, а она ходила по комнатам — закрывала ставни, проверяла краны. Затем убрала с подоконника засохший букетик лаванды, который так и не донесла до вазы.

В спальне на стене остался след от детской ладошки — дочка потрогала свежепобеленную стену в июне, и краска так и не отмылась полностью. Она провела по нему пальцем и решила не оттирать.

Самое странное оказалось не уезжать. Самое странное — знать, что дом остаётся ждать, без них, без детского смеха, без развешенного белья во дворе.

Синьора Кармела дала ей слово, что будет писать как там гранат у калитки — он как раз набирал цвет, когда они уезжали. И в октябре пришла первая фотография: бордовый плод треснул сам, прямо на ветке, будто не вытерпел.

Потом она получила снимок винограда, оборванного ночным ветром, лоза лежала поперёк дорожки. Потом пришло фото с соседским рыжим котом, развалившимся на их крыльце, как у себя дома, и подпись: “lui dorme sempre qui” — он всегда тут спит.

К декабрю в телефоне накопилась целая хроника чужой зимы: дым из печной трубы дома напротив, иней на черепице, синьор Альфонсо, расчищающий снег лопатой у их ворот, хотя его никто не просил.

Она показывала эти фотографии мужу вечерами, когда укладывала детей, и оба молчали подолгу, разглядывая дом, в котором сейчас никого не было, кроме кота и тишины.

Они приехали в апреле. Машина ещё пахла бензином заправки, а за окном уже мелькали знакомые повороты — старый кипарис, покосившийся указатель, и яма на дороге, которую муж объехал скорее по памяти.

Она боялась, что дом окажется чужим. Что петли на ставнях заржавели, что трава во дворе разрослась выше колена, что приветствие соседей будет вежливым, но пустым, как у дальних знакомых.

Альфонсо сидел на скамейке их дома, как будто всегда там сидел. Поднялся медленно, опираясь на трость, и сказал что-то про погоду — то ли упрекнул её за позднюю весну, то ли похвалил.

Синьора Кармела увидела машину с дороги и замахала кухонным полотенцем так, что чуть не сбила с подоконника горшок с базиликом. Через минуту она уже тащила корзину с яйцами и кричала что-то про детей — выросли, не узнать, и сразу же — про обед, который надо немедленно готовить.

В баре на площади хозяин, не дожидаясь заказа, разлил два эспresso и крикнул через всю комнату:

— А-а-а... Русса! Вернулись!

Было ощущение, будто они никуда не уезжали. Будто восемь месяцев отсутствия и десятки фотографий в телефоне были просто долгим перерывом между двумя глотками кофе. И ей вдруг показалось, что у человека может быть не одна родина. Иногда вторая появляется совершенно случайно — из объявления с тремя кривыми фотографиями, из кота на чужом крыльце, из бармена, который помнит твоё лицо лучше, чем ты сама.

Ремонт затеяли на третье лето — крыша над кухней подтекала, и муж с местным мастером, синьором Дарио, полезли на чердак искать, откуда идёт вода. Через час оба спустились без ответа про крышу, зато с деревянным сундуком, обмотанным истлевшей верёвкой.

Замок поддался от одного удара молотком. Внутри пахло пылью и чем-то сладковатым, как будто там когда-то держали яблоки.

Фотографии лежали сверху, пачкой, перетянутой бечёвкой. Мужчина в военной форме, женщина в платье до пят на фоне этого самого двора, только без второго этажа. Дети — трое, мал мала меньше — щурятся от солнца у того же колодца, о который её сын разбил коленку год назад.

Письма были перевязаны отдельно, выцветшие чернила местами совсем стёрлись. Она разобрала только дату — 1947 — и имя “Эttore”, выведенное детским неровным почерком.

Ботиночки нашлись на самом дне — крошечные, кожаные, задубевшие от времени, с дырочками для шнурков, давно сгнивших. Рядом лежала тетрадка с рецептами, переписанными красивым почерком: тесто для пасты, начинка для каннелони, что-то про лимоны и сахар, явно прабабушка того самого лимончелло.

Она ещё долго сидела на полу в гостиной с этой тетрадкой в руках, пока муж не позвал её ужинать. И тогда, за столом она подумала, что они не купили дом, а стали следующей страницей его истории — после военного в форме, после женщины в платье до пят, после трёх детей у колодца. И где-то там, через много лет, кто-то найдёт на этом же чердаке фотографию её дочери, хоронящей дохлую ящерицу в третий раз за лето.

Праздник урожая выпадал на конец сентября, когда они уже обычно собирались уезжать, но в тот год задержались на неделю специально. Площадь перед церковью заставили длинными столами на козлах, и каждая семья тащила из дома то, что испекла или замариновала, — без всяких приглашений, просто несли и ставили.

Синьора Кармела заняла целый угол стола своими банками — оливки, вяленые помидоры, что-то совсем тёмное в масле, что она называла “secret” и подмигивала. Дочка весь вечер таскала у неё хлеб, обмакивая в оливковое масло прямо из общей миски.

Потом была процессия со свечами в честь местного святого, имя которого она так и не выучила. Шли через весь городок в темноте, дети несли бумажные фонарики, взрослые — настоящие свечи в стаканчиках, прикрывая огонь ладонью от ветра. Альфонсо шёл впереди,

держался за руку с правнуком, и оба пели что-то на местном диалекте, явно не из молитвенника.

Кино под открытым небом крутили только раз в августе на стене заброшенного амбара — старый проектор, простыня вместо экрана, и весь фильм заглушали то сверчки, то чей-то смех из задних рядов, где подростки явно смотрели не на экран.

Ещё были конкурсы пирогов, правда, её шарлотка проигрывала пирогам синьоры Кармелы с такой разницей в баллах, что это даже не обсуждалось всерьёз. На третий год она перестала участвовать и просто села судьей, что оказалось куда веселее.

А общий ужин в честь окончания сбора винограда — тот самый стол метров на пятьдесят, составленный из чужих кухонных столов вдоль главной улицы, — стал единственным праздником, который она потом пыталась объяснить друзьям в Москве, но так и не смогла подобрать слов. Просто говорила: приезжайте сами, увидите.

Зимой она оказалась там один раз, случайно — прилетела одна в феврале проверить, не потекла ли снова крыша, и осталась на десять дней дольше, чем планировала.

Городок встретил её туманом такой густоты, что колокольня терялась уже на середине подъёма. Площадь, летом забитая столиками и людьми, стояла пустой — закрытые ставни, мокрая брусчатка, ни одного туриста на десять километров вокруг.

Бар работал, но вместо толпы за столом сидели трое местных стариков, играли в карты молча, без азарта, будто делали это уже лет тридцать подряд. Хозяин налил ей граппы, не спрашивая, и тут же подвинул табурет ближе.

Дом оказался холодным, но синьор Дарио ещё осенью наколот им дров, и она топила камин в гостиной с утра до ночи. Дрова были оливковые — горели медленно, с особым сладковатым запахом, который потом долго держался на одежде.

Кармела позвала её на ужин в первый же вечер, и ужин этот растянулся на четыре часа: суп, паста, мясо, сыр, фрукты, и между блюдами — долгие паузы, разговоры ни о чём, племянник, заехавший без предупреждения, бутылка вина, открытая просто потому, что вечер ещё не закончился.

Она поняла тогда, почему итальянцы сидят за столом часами — не потому, что едят медленно, а потому, что стол здесь способ остаться вместе подольше, когда снаружи туман и темнеет в пять.

В Москву она вернулась с привкусом дыма в волосах и твёрдым решением приезжать сюда не только летом.

Прошло ещё одно лето, и она начала замечать вещи, которые раньше пролетали мимо — слишком занята была лавандой, лимончелло, детьми. В то лето она впервые присмотрелась к старикам внимательнее, и поняла, что каждый из них — отдельная история, которую можно было читать годами и не дочитать.

Альфонсо приходил на свою скамейку у церкви каждый день в одно и то же время, в любую погоду — она проверяла специально, выходила в полдень три дня подряд, а он сидел там все три раза, в одной и той же шляпе, с одной и той же тростью, прислонённой к колену.

Она спросила его однажды, почему именно эта скамейка. Он ответил, не задумываясь, что отсюда видна его кухня — жена готовила там пятьдесят лет, а теперь готовит невестка, и он смотрит на дым из трубы и знает, что скоро обед.

Синьора Кармела ругалась на всех подряд — на почтальона за то, что мнётся газета, на мужа за то, что слишком много курит, на кота за то, что лезет на стол. И при этом каждую неделю появлялась у них на пороге с пирогом, который пекла будто бы случайно, “осталось лишнее тесто”.

Почтальон, синьор Пьетро, объезжал деревню на скрипучем велосипеде и помнил дни рождения всех до единого — без записной книжки. Дочке на седьмой день рождения он привёз открытку отдельно от писем, специально заехал лишний раз, хотя писем у него в тот день не было вообще.

Мясник на углу, грузный и молчаливый, бросал кость старой дворняге каждое утро ровно в восемь, не глядя, не прерывая разговора с покупателем, будто это было частью утреннего ритуала, таким же обязательным, как открыть ставни.

Из таких мелочей, повторяющихся изо дня в день без всякой причины кроме привычки, и складывалось ощущение, что городок живой — не пейзаж для туристов, а место, где у каждого своя скамейка, своя кость для собаки, свой дым из трубы, по которому можно сверять часы.

Десять лет спустя ставни снова требовали покраски, но в этот раз кисть в руках держал сын — высокий, загорелый, с теми же материнскими привычками щуриться на солнце, — а она просто стояла рядом и подавала ему банку с краской.

Дочь привезла своих двоих, и в первый же день повела их к колодцу искать ящериц, объясняя серьёзным голосом, как когда-то объясняла себе самой: их нельзя хватать за хвост, иначе хвост отвалится. Внуки слушали с тем же недоверием, с каким когда-то слушала она.

Альфонсо уже не сидел на скамейке — его не стало три зимы назад, и теперь на той же скамейке сидел его правнук, тот самый, что нёс фонарик в процессии. Синьора Кармела сильно постарела, но пирог всё равно появлялся на пороге каждую неделю, теперь его пекла уже её внучка, под присмотром.

Вечером муж разлил вино и сказал, разглядывая двор, где носились внуки:

— Помнишь, ты сказала, что готова купить ещё один дом?

Она улыбнулась, забирая у него бокал.

— Нет. Второй не нужен. Этот уже давно стал нашим.

Усадьба за Сан-Кашано

После двадцати трёх лет брака Лука и Джулия живут рядом, но уже давно — порознь. Работа над заброшенной тосканской виллой неожиданно возвращает в жизнь архитектора чувство, о котором он уже почти забыл. Ноэми становится для него не просто заказчицей, а

человеком, рядом с которым он снова ощущает себя живым. Между ними возникает любовь — тихая, глубокая и невозможная.

Это история о позднем чувстве, вине, выборе и о том, что иногда восстановить старый дом гораздо проще, чем спасти собственную жизнь от трещин, которые годами незаметно разрастаются внутри.

Глава 1

Маленькие тосканские города никогда не просыпаются сразу. Сначала где-то далеко ударяет колокол. Один-единственный, негромкий, будто проверяет, не слишком ли рано будить людей. Потом открывается булочная на углу центральной площади. Хозяин распахивает тяжёлые деревянные ставни и выставляет на улицу небольшую меловую табличку с ценой на хлеб. Сквозь приоткрытую дверь наружу выходят тепло, запах дрожжей и лёгкий аромат горячих корок. Внутри видно, как пекарь длинной деревянной лопатой достаёт из печи очередную буханку.

В баре напротив начинают звенеть чашки. Бариста протирает стойку и включает кофемашину, пока синьор Федерико выставляет на улицу столики со стульями, хотя до первых посетителей ещё минут тридцать, не меньше. Он делает это каждый день в одно и то же время и говорит, что площадь должна видеть проснувшийся бар.

Потом по узкой улице медленно проезжает белый фургон молочника. Его мотор слышно задолго до того, как он появляется между домами. Собака мясника лениво поднимает голову, смотрит ему вслед и снова укладывается на нагретую вчерашним солнцем мостовую. Где-то наверху с резким хлопком распахиваются ставни, и между зданий прокатывается эхо. И только после этого город решает, что уже готов прожить ещё один день.

Дом Луки и Джулии Штайнер стоял чуть в стороне от площади, на тихой улице, где фасады были цвета старого мёда, а ставни за долгие годы выгорели до мягкого серо-зелёного оттенка. Этому зданию было больше двухсот лет. Оно пережило две войны, несколько землетрясений, десятки хозяев и столько ремонтов, что уже само не помнило, каким было изначально.

А ещё по утрам оно разговаривало. Где-то под самой крышей едва слышно потрескивали старые балки, словно дом расправлял свою затёкшую за ночь спину. Каменные стены не спеша отпускали накопленную прохладу. На заднем дворе сама собой поскрипывала дверь сарая под тихие воздыхания водопроводных труб. Стоило лишь открыть окно — как становилось слышно голубей, которые неизменно устраивали утренние споры на крыше соседней церкви.

Лука любил этот дом. Когда-то именно из-за него они с Джулией и решили остаться здесь навсегда. Он тогда любил повторять:

— Старые дома похожи на людей. Если внимательно слушать, они сами подсказывают, что у них болит.

Джулия всегда смеялась над этими словами и часто добавляла:

— Значит, тебе всю жизнь придётся быть их доктором.

А он отвечал совершенно серьёзно:

— Я не против.

С тех пор прошло двадцать три года. Ему всё ещё удавалось лечить дома, а вот людей — нет.

Джулия проснулась раньше. Так происходило довольно часто. Она не ставила будильник. Просто в какой-то момент открывала глаза, словно внутри неё существовали собственные часы, никогда не ошибавшиеся больше чем на пару минут.

Она прошла в гостиную и открыла ставни. Улица была ещё пустой. В доме напротив синьора Розина поливала герань на подоконнике второго этажа, где между горшками уже грелся рыжий кот, лениво наблюдая за улицей. Старик Альдо неторопливо шёл по тротуару с газетой под мышкой. Они увидели друг друга одновременно.

— Buongiorno, Giulia!

— Buongiorno, signore!

В маленьких городах утро начинается именно так. Если никто не пожелал тебе доброго утра, кажется, что день ещё не наступил.

На просторной кухне пол был выложен старой терракотовой плиткой, чуть неровной от времени. На двух плитках возле окна была тонкая трещина. Солнечный луч медленно переполз через подоконник и коснулся её. Лука обещал заменить этот участок пола лет пять назад, но так и не собрался. Когда-то это раздражало. Теперь ей даже нравилось, что трещина осталась. Дом тоже имел право стареть.

Джулия поставила на плиту кофейник. Из открытого окна тянуло свежестью тосканского утра и ароматом жасмина, который оплёл стену внутреннего дворика. Пока вода медленно нагревалась, она машинально провела ладонью по деревянному столу, желая убедиться, что на нём нет крошек. Она всегда так делала, хотя знала, что вечером сама всё тщательно вытерла. Просто некоторые жесты перестают быть привычкой и становятся способом убедиться, что мир по-прежнему стоит на своих местах.

Из спальни донеслись шаги. Неторопливые, тяжёлые. Она не обернулась. Когда-то она ждала этого звука с тем волнением, с каким дети ждут первых капель дождя после долгой жары. Теперь она просто знала: через несколько секунд Лука войдёт на кухню, проведёт ладонью по волосам, скажет «Buongiorno», сядет на своё место и первым же глотком обожжёт язык, потому что никогда не умел ждать, пока остынет кофе. Иногда любовь заканчивается не ссорой. Она заканчивается тем, что ты заранее знаешь каждое движение человека, которого когда-то считал загадкой.

Лука вошёл на кухню почти бесшумно.

— Buongiorno. Как спалось?

— Buongiorno, Лука. Как обычно.

Джулия поставила перед ним чашку. Он машинально поблагодарил, сел на своё место и, как она и ожидала, сразу сделал первый глоток. Через секунду едва заметно поморщился. Она улыбнулась.

— Когда-нибудь ты всё-таки научишься ждать.

Он посмотрел на неё поверх чашки.

— Не научусь.

— Я знаю.

Когда-то после таких коротких фраз обязательно рождались длинные разговоры. Теперь они просто существовали рядом в тишине. За окном колокол пробил восемь. Лука поставил чашку на блюдце.

— Сегодня поеду смотреть одну виллу.

Джулия подняла глаза.

— Новый заказ?

— Возможно. Пока неизвестно.

Он говорил спокойно, но она знала этот тон. Так он говорил о постройках, которые действительно его интересовали.

— И где это?

— За Сан-Кашано. Старый дом на холме. Достался в наследство, как я понял из разговора по телефону. Дом почти сто лет принадлежал одной семье. Последние десять лет пустовал.

Джулия кивнула.

— Жалко такие дома.

— Да Согласен. Немного помолчав, он добавил:

— Новая хозяйка хочет восстановить всё максимально бережно. Не перестраивать, а именно восстановить.

Эта последняя фраза прозвучала уже не для Джулии. Скорее для самого себя.

Она знала этот взгляд. Такой появлялся всякий раз, когда Лука видел перед собой не работу, а задачу. Он любил старые здания почти так же, как другие любят людей. Иногда ей казалось — даже больше.

— И кто хозяйка?

— Кажется Ноэми.

Он ненадолго задумался.

— Ноэми Деверо.

— Француженка?

— Не знаю. Возможно, и так.

Он сказал это совершенно буднично, будто речь шла о погоде — и не подозревая, что это имя уже через несколько месяцев перевернёт их жизнь.

Джулия встала, открыла буфет и достала маленькую стеклянную баночку с апельсиновым джемом. В магазине такой не продавали. Его варила пожилая синьора Къези, жившая в небольшом доме у старой крепостной стены. Эта каменная кладка и сегодня окружала часть Сан-Кашано. Весной возле её окон цвели абрикосовые деревья, и весь переулок пах сладкими цветами.

Лука открыл баночку и намазал тонкий слой на ломтик поджаренного хлеба.

— Как дела в магазине? Новые книги приехали? Она кивнула.

— Наконец-то пришло переиздание Павезе. И альбом по тосканским садам.

— Хорошо. Может, пригодится.

— Для той виллы?

— Возможно.

Джулия улыбнулась.

— Тогда я отложу одну копию для тебя.

Он благодарно кивнул.

И снова наступила тишина. Не угнетающая, а спокойная, какая бывает между людьми, которым уже не нужно говорить обо всём вслух. И всё же где-то глубоко внутри Джулия вдруг поймала себя на мысли, что уже не может вспомнить, когда в последний раз Лука рассказывал ей о работе с тем азартом, с каким когда-то делился всем на свете. Раньше он доставал карандаш прямо за завтраком и начинал рисовать на салфетках. Объяснял, как утренний свет будет входить в окна после реставрации, спорил сам с собой из-за какой-нибудь старой балки, набрасывал будущие линии карнизов, а потом вдруг замолкал, потому что уже видел всё здание у себя в голове. Джулия тогда просто сидела рядом и слушала. Ей казалось, что вместе с ним она тоже успевает побывать в каждом из этих заброшенных мест.

Теперь всё стало проще.

Лука допил свой кофе, поставил чашку в раковину, надел лёгкий льняной пиджак, взял с вешалки потёртую кожаную папку и, поцеловав Джулию в щёку, вышел на улицу. Она ещё несколько секунд постояла на кухне, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Потом подошла к окну, но мужа уже не было — он свернул за угол.

Глава 2

Архитектурное бюро находилось в десяти минутах ходьбы от дома. Поэтому Лука никогда не ездил в офис на машине. Он говорил, что архитектор обязан каждое утро проходить через свои кварталы пешком, иначе однажды перестанет замечать, как меняется город.

На улице его уже ждали привычные лица.

— Сiao, Лука! — окликнул его хозяин бара.

— Доброе утро, синьор Алонсо.

— Не желаете чашечку утреннего кофе?

Лука улыбнулся.

— Благодарю, синьоре. Джулия уже напоила меня.

— Тогда в следующий раз.

— Обязательно.

У цветочной лавки синьора Франческа раскладывала горшки с голубоватыми цветами. У фонтана двое стариков спорили о чём-то так горячо, словно решали судьбу страны. Город просыпался окончательно, и каждый человек был частью этого утреннего ритуала.

Лука поздоровался почти со всеми, потому что в маленьких городах невозможно пройти и ста метров, не перекинувшись хотя бы парой слов. Он любил эти утренние прогулки. Каждый день замечал что-нибудь новое: свежую трещину на старой штукатурке, распустившийся цветок на чужом подоконнике, запах хлеба из булочной, который менялся вместе с погодой. Город тоже старел — медленно, почти незаметно.

Студия находилась на первом этаже старого дома. Когда-то здесь была мастерская сапожника, потом небольшой нотариальный кабинет. Теперь на двери висела простая латунная табличка:

Studio Luca Steiner – Restauro e Architettura

Те, кто впервые переступал порог, часто удивлялись: внутри не было той стерильности, которую обычно ожидают увидеть в архитектурных мастерских. Пол был деревянным и местами тихо поскрипывал. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами по архитектуре, истории искусства и реставрации. На подоконниках лежали куски старого кирпича, образцы известковой штукатурки, деревянные резные детали, снятые с построек, которые уже давно были восстановлены. В углу стоял большой стол, заваленный чертежами. Лука всегда говорил:

— Если в мастерской слишком чисто, значит, в ней никто не работает.

Он любил, когда вокруг лежали раскрытые книги, пахло деревом и заточенными карандашами. Такой беспорядок казался ему признаком жизни, а не небрежности.

Лука открыл дверь, повесил пиджак в шкаф и сразу распахнул окно. Свежий воздух смешался с запахом бумаги и краски из принтера. Откуда-то из соседнего двора потянуло жасмином, а сверху, с черепичных крыш, уже доносилось стрекотание первых цикад, словно день незаметно набирал силу. Где-то неподалёку били молотком — возможно, ремонтировали старую лестницу. В Сан-Кашано такие звуки давно стали частью утренней музыки, как колокола или пение ласточек под крышами.

Через несколько минут появилась Тереза. Она работала с ним уже почти пятнадцать лет и знала мастерскую едва ли не лучше самого Луки.

— Доброе утро, Лука.

— Доброе, Тереза.

Она поставила сумку возле своего стола.

— Сегодня опять раньше всех?

— Как обычно,

— усмехнулся он.

— Надо же кому-то открывать ставни.

Она улыбнулась.

— Именно.

— Мне звонил Джанни. Сказал, что немного задержится. Повёз дочь к дантисту.

— Ничего страшного.

— А ещё вчера вечером звонили из Сиены.

— По монастырю?

— Да.

— Потом перезвоню.

Пока мастерская ещё не наполнилась голосами, Лука успел просмотреть почту, несколько фотографий со строительной площадки, запрос на смету и два письма от поставщиков. Ничего необычного.

В девять тридцать появился Джанни. Как всегда — быстро, шумно и со стаканчиком кофе в руке.

— Доброе утро всем, — поздоровался он и тут же перешёл к делу.

— Лука, у нас небольшая проблема.

— Уже?

— Пока маленькая.

Он разложил на столе большой чертёж.

— Посмотри.

Лука подошёл к столу, несколько секунд молча рассматривал схему. Потом взял карандаш.

— Если оставить так, балка получится слишком тяжёлой.

— Я тоже так подумал.

— Тогда перенеси нагрузку сюда.

Он провёл короткую линию и отодвинул карандаш.

Джанни несколько секунд смотрел на чертёж.

— Да Так действительно лучше.

Джанни любил работать с Лукой именно за это. Он редко говорил много. Чаше просто проводил одну линию карандашом — и всё сразу становилось понятнее. Через некоторое время мастерская окончательно проснулась. Солнце поднялось выше и легло ярким прямоугольником на деревянный пол. Пылинки медленно кружились в этом золотистом свете, словно и они были заняты какой-то своей неторопливой работой.

Зазвонил телефон. Курьер привёз образцы камня. Тереза спорила с поставщиком окон, пока Джанни пытался убедить строителей не нарушать проект — обычный рабочий день.

Около одиннадцати зашёл Паоло. Они с Лукой дружили ещё со времён университета. Паоло занимался инженерными расчётами и последние годы работал почти со всеми проектами студии. Он никогда не стучал. Просто открывал дверь.

— Вы ещё работаете?

Тереза рассмеялась.

— Нет. Мы просто делаем вид.

— Тогда я вовремя.

Он поставил на стол пакет.

— Жена опять испекла печенье.

— Передай ей спасибо, — сказала Тереза.

— Если всё съешь сама, не передам.

Все в офисе засмеялись. Паоло налил себе кофе и подошёл к столу Луки.

— Как поживает ви́лла Бьянки?

— Почти закончили.

— А крыша?

— Переделали.

— Я же говорил, что прежнее решение не выдержит.

Лука спокойно кивнул.

— Ты был прав.

Паоло довольно улыбнулся. Он любил такие мгновения. Не потому, что оказался прав, просто Лука никогда не спорил ради собственного упрямства. Если видел более удачное решение, соглашался сразу, и за это его уважали все, кто с ним работал.

К полудню мастерская заметно притихла. Паоло допил свой кофе и посмотрел на часы. В этот момент неожиданно зазвонил телефон. Тереза сняла трубку.

— Архитектурная студия Штайнера... Да... Конечно...

Она прикрыла ладонью трубку.

— Лука, это по поводу дома за Сан-Кашано.

Он подошёл.

— Слушаю.

Женский голос был спокойным.

— Добрый день. Это Нозми Деверо. Хотела предупредить: если не найдёте виллу сразу — не пугайтесь. Последние указатели давно упали.

— Спасибо. Постараюсь не заблудиться.

— И ещё дом выглядит хуже, чем есть на самом деле.

Лука улыбнулся.

— Со старыми домами так бывает.

На другому конце ненадолго замолчали.

— Тогда до встречи.

— До встречи.

Он положил трубку.

Через минуту все уже были на улице. Воздух успел заметно прогреться. Из открытых окон домов пахло чесноком, томатным соусом и свежим базиликом — где-то хозяйки уже начинали готовить обед. На узких улочках становилось всё тише: туристы прятались в тени, а местные жители никуда не спешили, будто и время здесь двигалось медленнее.

Через две улицы они зашли в маленькую trattoria. Хозяин давно перестал приносить меню. Все и так знали, что будут есть.

— Мне как обычно, — сказал Джанни.

— И мне.

— И нам тоже, — улыбнулся Паоло, глядя на Терезу.

Хозяин кивнул, не доставая блокнота, и добавил:

— Сегодня ещё хороший овощной суп.

— Тогда ещё четыре супа.

Разговор начался с футбола. Паоло был уверен, что «Фиорентина» в этом году наконец сможет побороться за верхние строчки. За соседним столиком группа стариков играла в карты так сосредоточенно, будто от партии зависела судьба всего городка.

Джанни только качал головой:

— Ты говоришь это каждый сезон.

— Но когда-нибудь окажусь прав.

— Конечно. Лет через двадцать.

Все рассмеялись. Потом разговор незаметно перешёл на машины. Джанни признался, что жена снова уговаривает его купить новый автомобиль.

— Говорит, наш уже старый.

Паоло пожал плечами:

— А он старый?

— Одиннадцать лет.

— Тогда она права.

— Но он прекрасно ездит.

Лука улыбнулся:

— Некоторые вещи могут служить дольше, если за ними хорошо ухаживать.

— Даже странно, что ты не женился на каком-нибудь старом палаццо, — пошутил Паоло.

— Ты сейчас про машину или про дом? — спросила Тереза.

— И про то, и про другое.

— Видите? Он даже за обедом рассуждает о зданиях, — не унимался Паоло.

— Потому что профессией нельзя жить только с девяти до шести, — спокойно ответил

Лука.

Некоторое время они ели молча. Потом Тереза спросила:

— Ты поедешь сразу после обеда? На осмотр дома за Сан-Кашано.

Лука сделал глоток воды.

— Да, хочу пораньше вернуться.

— Тогда сделай пару снимков на телефон. Мне уже интересно.

— Хорошо.

За столом ненадолго стало тихо. Хозяин поставил перед ними кофе. Джанни первым нарушил молчание:

— Ладно, хватит о работе.

— Согласен, — сказал Паоло.

— Всё равно после кофе мы опять туда вернёмся.

И действительно вернулись.

Около трёх часов Лука собрал папку с документами, взял рулетку и небольшой блокнот.

Тереза выглянула из-за компьютера:

— Поехал?

— Да.

— Если задержишься, не заезжай в офис. Я сама закрою.

— Хорошо. Спасибо.

— И передавай привет старому дому.

Лука улыбнулся:

— Обязательно.

Он вышел на улицу. На каменной мостовой дрожали солнечные блики. Где-то неподалёку хлопнули ставни, потом снова наступила привычная тишина. Только фонтан на площади продолжал негромко журчать, словно ему было всё равно, сколько веков прошло вокруг.

Во дворе за мастерской стоял потрёпанный рабочий пикап — тот самый, на котором они обычно добирались до объектов. Лука бросил папку на пассажирское сиденье, достал из кармана связку ключей и повернул замок зажигания. Двигатель негромко заворчал.

Медленно выехав со двора, Лука покатыл по узким улочкам Сан-Кашано. За последними крышами открылись холмы — мягкие, словно нарисованные акварелью.

Серебрились листья олив, темнели стройные кипарисы, а вдали золотистыми пятнами лежали поля пшеницы, уже готовой к жатве. Воздух дрожал от полуденного зноя, казалось, сама Тоскана никуда не торопится.

Дорога уходила всё выше, туда, где его ждала заброшенная вилла, простоявшая без хозяев почти десять лет. Он ещё не знал, что именно это здание изменит в его жизни гораздо больше, чем он мог представить.

Глава 3

Утро в книжной лавке всегда начиналось одинаково. Джулия вставляла ключ в старый латунный замок, который за двадцать лет научился поддаваться лишь при лёгком повороте вправо. Если торопиться, он непременно заедал.

Дверь тихо скрипнула. Внутри пахло бумагой, деревом и чем-то ещё, чему невозможно было подобрать название. Так пахнут только книжные магазины, существующие не одно десятилетие. Новые поступления приносили запах типографской краски, старые тома — пыли, сухих трав и чужих домов. Всё вместе складывалось в аромат, который Джулия давно перестала замечать, пока однажды турист не сказал ей:

— Здесь пахнет спокойствием.

С тех пор она иногда вспоминала эти слова. Особенно по утрам, когда в магазине ещё никого не было, а страницы раскрытых книг тихо шелестели от сквозняка.

Она открыла ставни. Солнечный свет лёг на деревянный пол длинными полосами. Было слышно, как высоко в небе пролетела стайка стрижей. Джулия перевернула на двери маленькую меловую табличку: «Открыто».

Она была уверена: пока открыты ставни — её магазин живёт. Она никогда не говорила этого вслух. Просто каждое утро, переворачивая табличку, чувствовала, что открывает не просто двери лавки, но и сам новый день.

Первым, как почти всегда, появился синьор Бартоло. Ему было далеко за восемьдесят. Он приходил по привычке ровно без четверти девять, хотя давно уже никуда не спешил.

— Buongiorno, Джулия.

— Доброе утро, синьор Бартоло.

На улице он всегда ходил с тростью, но, переступая порог, почему-то каждый раз забывал опереться на неё. Старик снял шляпу и аккуратно стряхнул с полей невидимую паутинку.

— Новинки приехали?

— Немного. Вот здесь.

Она подвела его к полке. Старик взял один из томов и долго держал в руках, не открывая.

— Читать уже трудно, — сказал он почти виновато. — Глаза устают.

Джулия улыбнулась:

— Тогда зачем покупать?

Он посмотрел на неё так, словно ответ был совершенно очевиден:

— Пока дома появляются новые книги, мне кажется, что впереди ещё достаточно времени.

Она ничего не ответила. Только завернула книгу в плотную бумагу. Чаще людям нужны не слова — достаточно просто не спорить.

Через полчаса пришла София. Вместе с ней в лавку влетели детские голоса с площади, запах свежих корнетто и несколько жёлтых листочков платана, которые лёгкий ветерок успел закружить у порога.

— Прости, я опять опоздала!

— Да ладно. Мы же не в больнице. У нас всего лишь книжный магазин.

София поставила бумажный пакет на прилавок:

— Чтобы загладить свою вину, я принесла завтрак.

— Опять?

— Если я перестану тебя кормить, ты будешь жить на одном кофе.

— Неправда.

София рассмеялась:

— Правда. И мы обе это знаем.

Она сняла куртку, быстро собрала волосы в хвост и сразу начала рассказывать последние новости.

— Представляешь, синьор Этторе всё-таки продал тот дом возле старых ворот.

— Правда?

— Да. Купила какая-то семья с детьми. Говорят, не местные.

— И откуда они?

— Кажется, русские.

Джулия машинально подняла голову:

— Вот как. Интересно.

— Постройка, говорят, совсем ветхая.

София пожала плечами:

— Значит, у Луки скоро появится ещё несколько бессонных недель. Многие уверены, что этот дом проще снести.

Джулия улыбнулась:

— Думаю, Лука сказал бы обратное.

— Конечно. Он ведь уверен, что любое здание можно спасти.

Она на секунду задумалась и вдруг добавила:

— Кстати, сегодня утром встретила на улице одного забавного старика.

— И чем же он тебя удивил?

— Сидит на скамейке с тростью и смотрит куда-то поверх крыш. Я поздоровалась и спросила, что он там высматривает.

— И что он ответил?

— Дым, — говорит.

Джулия удивлённо посмотрела на неё.

— Оказывается, он каждый день ждёт, когда над его крышей появится дым. Тогда, говорит, жена уже поставила кастрюлю на плиту, и скоро можно идти обедать.

Джулия тихо рассмеялась:

— Хорошая привычка.

— Правда? Мне сначала показалось, что он шутит.

— В маленьких городах и не такое бывает. Тут люди умеют ждать. Даже дым из трубы.

Обе рассмеялись. В этот момент над дверью тихо звякнул колокольчик. В лавку вошли мужчина и женщина — невысокие, с фотоаппаратами на шее. Они приветливо поклонились.

— Buongiorno.

Пара медленно прошла вдоль стеллажей, внимательно рассматривая книги. Потом мужчина остановился возле отдела с литературой о садах и деревьях. Он что-то сказал своей спутнице по-японски и показал на большой иллюстрированный альбом.

Они подошли к прилавку.

— Э-э — мужчина смущённо улыбнулся и, не найдя нужных слов, сложил ладони, будто изображая маленькое дерево. Потом осторожно развёл их в стороны, показывая, как растут ветви.

Джулия с Софией переглянулись. София первой догадалась:

— Бонсай?

Лица туристов сразу просияли:

— Хай! Хай!

Они закивали так энергично, что обе женщины невольно рассмеялись.

Джулия сняла с полки большой альбом и протянула мужчине. Он бережно раскрыл книгу. Несколько секунд молча рассматривал фотографии миниатюрных сосен и клёнов, потом благодарно поклонился:

— Arigatō.

— Prego, — улыбнулась Джулия.

Спустя пару минут японская пара также вежливо раскланялась и вышла на улицу, прижимая покупку к груди.

София проводила их взглядом:

— Забавно Мы почти не поняли ни слова.

— Зато прекрасно поняли, какую книгу они искали.

— Наверное, книги умеют говорить на любом языке.

— Наверное, — согласилась Джулия.

— Интересно, — София задумчиво наклонила голову, провожая глазами силуэты за окном, — зачем им книга на итальянском? Они же не смогут её прочесть.

— Может, как память о том, что они здесь были... — тихо ответила Джулия и улыбнулась своим мыслям. — О солнечном дне, старой лавке в Тоскане и маленьком дереве, которое они увозят с собой.

Она посмотрела в окно. Полуденное солнце уже начинало прогревать каменную мостовую. Почтальон неторопливо свернул за угол, помахав кому-то рукой. Из открытых окон соседнего дома доносилось радио, а на балконе напротив женщина развешивала белые простыни, которые лениво колыхались на ветру.

Глава 4

Дом стоял на вершине холма. Отсюда были видны виноградники, полосы оливковых рощ и дорога, которая медленно поднималась вверх, петляя между кипарисами. В ясную погоду отсюда можно было разглядеть даже башни Сан-Кашано. Дальше, за холмами, воздух уже начал дрожать от жары, отчего дальние деревья казались немного размытыми. Над полями неторопливо кружил канюк, высматривая добычу, а из высокой травы то и дело взмывали ввысь мелкие птицы.

Когда-то вилла была красивой. Время почти стёрло эту красоту, но не смогло её уничтожить до конца. Во многих местах штукатурка уже осыпалась, оголив стены, ставни давно требовали покраски, а несколько черепиц на крыше съехали после зимних дождей. На каменной лестнице между ступенями упрямо цвели мелкие ромашки. И старая глициния почти полностью скрыла южную стену. Казалось, природа не пыталась разрушить этот дом — она терпеливо училась жить вместе с ним.

Ноэми открыла окно в гостиной. Вместе со свежим воздухом внутрь залетел запах влажной земли и нотки розмарина. Где-то совсем рядом стрекотали цикады. На соседнем поле уже вовсю работал трактор. Его ровное гудение то приближалось, то почти исчезало, растворяясь среди холмов. Где-то далеко коротко прокричал фазан.

Этот дом достался ей в наследство от двоюродной тётки, синьоры Виттории Баргоцци, всего пару недель назад. Ноэми виделась с ней крайне редко — настолько, что, получив письмо от нотариуса, сначала решила, будто произошла какая-то ошибка. Но ошибки не было. Теперь этот старый тосканский дом принадлежал ей. И она до сих пор не понимала, что с ним делать.

Продать? Возможно, это самое разумное решение. А если оставить? Пожалуй, самое непрактичное.

Она улыбнулась сама себе. Иногда жизнь совершенно не интересуется тем, что кажется разумным.

Она прошла на кухню. Там всё ещё стояли старые дубовые шкафы. Их давно следовало заменить. По крайней мере, так сказали двое строителей, которые приезжали два дня назад.

— Здесь проще всё снести, синьора.

Она тогда только спросила:

— А если не сносить?

Они переглянулись.

— Ну Это будет намного дороже.

Тогда ей показалось, что они говорят вовсе не о здании, а о старом человеке, которого предлагают заменить молодым просто потому, что так удобнее.

После их отъезда Ноэми ещё раз обошла комнаты. И впервые подумала: стоимость — не главный аргумент. К тому же, деньги у неё были.

Именно тогда она решила искать архитектора-реставратора. Не застройщика, а мастера. Того, кто попытается спасти этот дом, а не станет убеждать снести его ради новостроя. Так она и вышла на бюро Луки Штайнера. Сегодня он должен был приехать. Ноэми взглянула на часы — до встречи оставалось меньше получаса.

Она вышла во двор, где трава поднялась почти до колен, и села на рассохшийся табурет. Старый каменный колодец давно опустел, но рядом всё ещё цвела лаванда. Ноэми подошла к сиреневым кустам и осторожно провела ладонью по соцветиям. Аромат оказался гуще и сильнее, чем она ожидала. В этот момент снизу, со стороны долины, донёсся далёкий рокот автомобильного мотора.

Пикап появился не сразу. Сначала между кипарисами блеснуло солнце на лобовом стекле, и лишь затем белый автомобиль медленно пополз вверх по разбитому склону. Машина

шла осторожно, огибая глубокие выбоины, словно водитель не хотел причинить лишнего беспокойства ни подвеске, ни самой дороге. Следом лениво тянулось светлое облако пыли, оседая на придорожных травах.

Ноэми дождалась, пока пикап замрёт у каменных ворот. Из кабины вышел мужчина лет пятидесяти. Он не торопился. Сначала поднял глаза на фасад, внимательно изучил излом крыши, перевёл взгляд на старую подпорную стену, заросшую плющом, и только после этого захлопнул дверцу.

Ноэми невольно улыбнулась. Большинство людей сначала ищут хозяина. Архитектор сначала ищет дом.

Он подошёл ближе.

— Добрый день.

— Добрый день.

Несколько секунд они молча разглядывали друг друга.

— Лука Штайнер.

— Ноэми Деверо.

Она протянула руку. Его ладонь оказалась тёплой и сухой.

— Спасибо, что приехали.

— Спасибо, что пригласили.

Он ещё раз окинул взглядом холмы.

— Красивое место.

Несколько секунд они молча смотрели на долину. Ветер прошёлся по верхушкам кипарисов, и те тихо зашелестели над их головами.

Ноэми усмехнулась.

— Вы первый, кто сказал именно так.

— А что обычно говорят?

— Что всё слишком запущено.

Он снова поднял глаза на фасад.

— Это тоже правда.

Она рассмеялась.

— Значит, мы оба правы.

Лука кивнул.

— Такое иногда случается.

Они направились к главному входу. Несколько ступеней крыльца просели. Лука машинально провёл ладонью по перилам и слегка покачал их — дерево оказалось неожиданно крепким.

— Их давно не красили, — заметила Ноэми.

— И хорошо.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что краска скрывает возраст. А его не всегда нужно прятать. Иногда именно он делает вещи красивыми.

Она ничего не ответила, хотя эта мысль показалась ей странной.

Внутри было прохладно. Толстые каменные стены почти не пропускали летнюю жару. Запах старого дерева смешивался с известью, сухой травой и чем-то ещё — тем особенным, застоявшимся ароматом, который появляется только там, где долго никто не жил.

Лука остановился посреди прихожей. Он просто молчал, разглядывая стены, пол, потолок и потемневшую мебель.

Ноэми уже собиралась спросить, всё ли в порядке, когда архитектор неожиданно произнёс:

— Я сначала слушаю дом.

Она моргнула.

— Простите?

Лука улыбнулся, словно немного смутившись собственных слов.

— Профессиональная привычка. Я всегда сначала несколько минут просто стою. Зданию нужно немного времени, чтобы перестать считать тебя чужаком.

Ноеми посмотрела вокруг. Солнечные лучи пробивались сквозь высокие окна. Пылинки медленно кружились в золотистых потоках света, будто всё это время терпеливо ждали людей. Где-то наверху едва слышно скрипнули ставни. Ноеми вдруг поймала себя на мысли, что тоже перестала думать о ремонте — она действительно прислушивалась.

Прошла почти минута, прежде чем Лука спокойно произнёс:

— Ну что ж Теперь можно начинать.

И с этими словами он достал рулетку.

Глава 5

После первого осмотра Лука никогда не соглашался на работу сразу. Сначала возвращался в студию, разбирал фотографии, просматривал записи и несколько раз перечёркивал предварительные расчёты. Он мысленно обходил здание заново, словно открывал каждую дверь, и только после этого брался за составление сметы.

Иногда заказчики удивлялись:

— Неужели всё так сложно?

Он лишь улыбался в ответ:

— Нет. Просто старые дома не любят спешки.

Так было и теперь. Несколько вечеров подряд Лука засиживался за большим столом в мастерской. Перед ним лежали снимки виллы, листы с расчётами и старый блокнот, куда он заносил первые впечатления.

На четвёртый день смета была готова, но он ещё раз внимательно её пересчитал. Сумма получилась внушительной. Лука даже подумал, что синьора Деверо, скорее всего, вежливо поблагодарит его, пообещает всё обдумать — и на этом история заброшенной виллы закончится.

Он аккуратно сложил документы, закрыл студию и неторопливо пошёл домой.

Вечер в доме Штайнеров наступал спокойно. Едва Лука переступил порог, из кухни донёсся густой аромат свежего базилика, чеснока и томатов.

— Ты вовремя, — Джулия выглянула из-за двери. — Осталось только натереть пармезан.

На столе уже стояла большая керамическая миска с пастой. Между длинными лентами тальятелле блестели половинки черри, листья базилика и небольшие шарики моцареллы. Рядом лежал ещё тёплый деревенский хлеб и бутылка молодого красного вина.

— Пахнет замечательно, — улыбнулся Лука.

— Это потому, что ты целый день просидел над своими расчётами.

Он рассмеялся:

— Возможно.

Они ужинали не спеша. За окном постепенно сгущались сумерки. На соседней улице кто-то негромко разговаривал, хлопнула дверь, затем снова стало тихо. Некоторое время они ели молча. Джулия первой нарушила тишину:

— Ну что? Закончил смету?

Лука кивнул:

— Закончил.

— И как?

Он на мгновение задумался.

— Если честно дорого выходит.

— Настолько?

— Вилла оказалась сложнее, чем выглядела сначала. — Он сделал небольшой глоток вина. — Крыша, фасад, коммуникации Практически всё требует реставрации.

— Думаешь, она откажется?

Лука пожал плечами.

— Не знаю. — Он ответил честно: — На её месте я бы долго думал.

Джулия внимательно посмотрела на мужа:

— И когда собираешься озвучить смету?

— Завтра утром.

— Надеешься услышать «да»?

Он помолчал.

— Скорее готовлюсь услышать «нет».
Джулия улыбнулась:
— Иногда люди умеют приятно удивлять.
Лука тоже улыбнулся, но ничего не ответил.

На

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.